

Глава 3

Закрыв крышкой кастрюлю с тушеным мясом, я выключил плиту. И именно в этот момент подал голос телефон. Сполоснув руки и подхватив полотенце, пошел брать трубку.

— Привет, босс. Не отвлек? — раздался голос из мобильного.

— Ну что за глупая постановка вопроса, Таро-сан. Да, отвлек.

— Ваше занудство не имеет границ, босс.

— Уволю ведь, говори уже, чего хотел.

Нэмото Таро состоит в отделе по связям с общественностью в Шидотэмору. А неофициально занимается теми легальными делами, в которых я не хочу светиться.

— Я по поводу Сомачу. Он закончил наброски первой главы этой вашей новой манги и просит встречи. Что-то там по поводу названия.

— А поконкретней не в курсе?

— Вроде «Наруто» ему не нравится, хочет что-то свое предложить.

Да-да, бейте меня, ругайте меня, уж такой я плагиатор. И вот теперь придется встречаться с человеком, который рисует уже не первую «мою» мангу, и объяснять ему, почему так, а не иначе.

Я, между прочим, оставляю Сомачу всю авторскую славу. Правда, забирая себе права на мангу. Ну я же вор, никто не забыл? Вот и ворую идеи своего мира.

— Ох, — вздохнул я. — Ладно, передай, что я зайду к нему... мм... в пятницу, часов в шесть.

— Как скажете, босс.

— Это все, я надеюсь?

— Да, слава богам. Просто этот чудик... — Он, между прочим, и правда немного того. — Он мне всю плешь проел своими звонками. Я сначала на вас ссылался, мол: босс сказал, ты сделал, но он... достал, в общем. — М-да, молод он еще выходить против мангаки со стажем.

В целом парень весьма компетентен, и пробивная способность у него развита очень даже. Но все-таки двадцатилетний возраст порой сказывается. А выглядит он года на два моложе, что тоже порой мешает. Мне в этом отношении проще, как ни странно. На деловых встречах люди знают, что вот этот ребенок главный. А в Японии отношение к начальству, пусть и чужому, особенное. Человек, облеченный властью, имеет право на маленькие недостатки, например, возраст. Хоть отношение к нему все равно не будет таким же, как к взрослому, но и полнейшее пренебрежение, как в других странах, отсутствует. Вспомним заодно, что я нахожусь в другом мире, и в тутошней Японии не принято обращать внимание на возраст лет этак с четырнадцати. Но вот ведь гадство, совершеннолетие при этом все равно наступает в восемнадцать. Видимо, такое положение вещей образовалось в связи с тотальным засильем той или иной аристократии. И, что главное, детей этой аристократии. Неудивительно в конечном итоге, что Таро ни разу не обозначил своего пренебрежения ко мне, и это учитывая четыре года разницы.

— Разберемся. Передай ему про встречу, но скажи, что это моя инициатива. А то совсем тебе на шею сядет.

— Как скажешь, босс. Спасибо.

— Все, пока. Звони, если что.

— До встречи, босс.

Нажав отбой, пошел в гостиную. Дел срочных нет, ужин приготовлен, так что пойду соседей своих навещу, есть у меня к ним разговор. Да и прояснить многое надо, а то у меня башка от лишних мыслей взорвется. Это ж надо, столько лет жить с ними бок о бок и не догадываться, что мои соседи Кояма и клан Кояма — одно и то же. Вот это и значит, бревно в своем глазу не заметить. Господи, да мне стыдно перед самим собой. Однофамильцы, ага, у одного из старейших и сильнейших кланов Японии. А гербы, что у них повсюду развешены? Нет, как выглядит герб клана Кояма, я не знаю, не интересовался, но что это еще за герб может быть. Как я мог подумать, что семья — обладатель герба, может быть однофамильцами другой такой семьи? Это ж аристократия, там не бывает родов с одной фамилией, да им бы просто герб не дали. Это не мой мир, тут к своей фамилии, как и к своей крови, очень серьезное отношение. Вы думаете, почему аристократы практически не ругаются на людях, разве что внутри рода? Да потому, что, не дай бог, по запарке что-то не то скажешь, например: сукин сын. Всего лишь сукин сын. Я вот, не совсем обычный обыватель, знаю о двух войнах из-за этих слов. В одном случае дрались два клана, в другом — два рода. Не верю, правда, что там оскорбили случайно, но факт остается фактом, хочешь ругаться — ругайся, только род не трогай, за личное оскорбление и отвечать придется лично, не навлекая беду на всю семью.

Конечно, можно подобрать причины для оправдания: мол, как же так, как аристократы могли обосноваться в таком районе. Или: а где же слуги, которые обязательно есть у больших шишек. Можно и чисто психологические причины найти, в конце концов, я просто представить себе не мог, что семья, которую я знаю всю жизнь, пусть и богатая, но очень скромная, окажется среди первых родов империи. А уж сколько теперь вопросов возникает...

К черту, все к черту. Ни к чему по десятому кругу мысль гонять. Надо идти и выяснять.

Выключив комп и убрав свой будущий ужин да и завтрак, к слову, собрался идти в гости. Но не успел. Старик меня опередил, позвонив в дверь, как раз когда я надевал обувь.

— Здравствуйте, Кента-сан, проходите, пожалуйста. Чай, кофе?

— И тебе привет, Синдзи. Кофе, если не трудно.

Еще бы он чай попросил. Вообще-то старый любит этот напиток, но он у меня настолько паршиво получается, что выбор старика очевиден. А вот то, что он вообще принял предложение что-то выпить, говорит о серьезности предстоящего разговора. Интересно. Например, Акено, отец Шины, всегда соглашается как выпить, так и перекусить. А старик Кента — только если намечается разговор о чем-либо, и своей привычке ни разу не изменял. И мне действительно интересно, с чем он пришел.

Я проводил старика, как всегда одетого в традиционное мужское кимоно, на этот раз черно-серого цвета, до гостиной и, предложив сесть в единственное находящееся там кресло, пошел на кухню. Я не спец по приготовлению кофе, я вообще не понимаю всех этих священнодействий при его варке, как и при заваривании чая, само собой, так что, быстренько сварганив напиток в кофеварке, вернулся в гостиную.

— Как прошел первый день в школе? Завел друзей? И как тебе вообще Дакисюро? — сделал первый глоток, стал расспрашивать старик.

— Отличная школа, сразу чувствуется элитарность. Друзей за один день не найдешь, но знакомство завел, есть такое дело. Ну а в целом... Так себе денек, могло бы быть гораздо лучше.

— Друзья, знакомые... зануда ты, — услышал я в ответ бормотание. — Как я слышал, у тебя сегодня в школе кое-что неприятное произошло?

Да ладно, неужто он знает о Шиновском спиче? Следил, что ли? Если нет, то плохо. Получается, слухи о том, как его внучка вбила мою репутацию в асфальт, дошли даже до директора. Замечательно. Я за один день стал печально известен на всю школу. Я, конечно, понимал, что это произойдет достаточно быстро, но не настолько же. Теперь ясно, с каким делом он ко мне пришел. Видимо, будет извиняться.

— Не волнуйтесь, Кента-сан, я с этим разберусь.

— Ну волноваться, предположим, нужно тебе.

Ась? Не понял.

— Прощу прощения?.. — Я прямо чувствовал, как мои брови устремляются ввысь, но ничего не мог с этим поделать.

— Не понимаю твоего удивления. Ты всерьез рассчитываешь разобраться с главой клана Исикава? И как, если не секрет? — фыркнув, спросил меня гость. Ехидство в этот момент так и перло из старика.

Поелозив в плетеном кресле, он с любопытством уставился на меня, всем своим видом показывая, что ответ на его вопрос ему ну очень интересен. Я же в некой прострации окинул взглядом гостиную.

— Что-то я совсем потерялся, Кента-сан, вы это о чем? — На этот раз удивленный взгляд вперился уже в меня.

— Исикава Кишо, сорок четыре года. Глава клана Исикава. Женат, отец четверых детей. Два сына, две дочери. — Вот хорека старый, хороша обстановка нагнетать. — И вот как раз одну из этих самых дочерей ты сегодня оскорбил. Старшую. Любимую, смею заметить.

Вот ведь... стерва, и вправду дрянь! Нет, ну это просто поразительное умение — почти до мата меня довела. Второй раз за день! И это при конкретном ее отсутствии в зоне видимости! Да я... вот... Фу-у-ух. Спокойствие, Макс, только спокойствие.

— Если бы я тебя не знал, то не стал бы вмешиваться. Если бы знал чуть хуже, настоял бы на твоём публичном извинении. — Спокойней, Макс, сохраняй спокойствие. — Но я знаком с тобой достаточно хорошо, чтобы прийти сюда и уточнить, что все-таки произошло между вами.

— Если вкратце, то она трижды оскорбила меня, а потом дала понять, что считает нас не то чтобы слугами, а так, ничтожеством.

— Сурово. И что, вот так вот, без причины?

— Поводом было то, что мы стоим посреди дороги и мешаем ей пройти. И это при том, что она в меня врезалась, когда мы стояли с краю этой самой дороги. Специально к бордюру отошли.

— Ты все говоришь: «Мы», — а если уточнить? — медленно, чуть задумчиво спросил Кента.

— Охаяси Райдон. — Старик чуть приподнял брови. — Да-да, тот самый. Сын главы клана.

— Однако. Девочка попала. — Да-а-а, старикашка умеет менять стиль общения. — Я так понимаю, твой... знакомый подтвердит все, что ты сказал? Впрочем, не вижу смысла ему лгать. Даже будь эти два клана союзниками, чего и в помине нет. Что ж, насчет этой проблемы можешь не волноваться, остается другая, — и пристальный взгляд.

— Ну что еще? — спросил я после непродолжительного молчания, не вечно же в гляделки играть?

— А вот это ты мне скажи. Про случай с девушкой ты и не вспоминал, но день у тебя все равно был не очень. Хотелось бы узнать почему.

— Вы уж простите за грубость, но мне-то что? Хотите — узнавайте.

Тут главное не перегнуть. Слова-то грубы, но ведь главное не слова, а то, как их подать. Я так или иначе собирался рассказать про подставу его внучки, вот только представить это надо не как жалобу. Так что выговорил я все это с некоторой неуверенностью, как будто на меня подействовал его строгий взгляд. Аки подросток, пытающийся отстоять свою независимость.

— Синдзи-кун, — о, вот и суффиксы в ход пошли, — ты поступил в школу, где учится весьма специфический контингент, и одно неосторожное слово может сильно тебе аукнуться. Наверное, будет лучше, если ты мне все расскажешь.

И вот эти его слова меня немножечко взбесили. Какого черта он вообще тогда меня в Дакисуро зачихнул? Он что, думал, мне адреналина не хватает? Или рассчитывал, что я буду подо всех прогибаться? Слугу, что ли, для своей внучки готовит? Может, мне ему еще доклады ежедневные писать?

Умом я понимал, что все это фигня, а «истина где-то там», но вспышка раздражения и возмущения была слишком сильна. Пришлось встать и пойти за сигаретами, по пути успокаиваясь. Грубить в любом случае не стоило, все ж таки старик... А вот закурить при нем — самое то. В свое время все семейство Кояма приложило немало сил, чтобы отучить меня от этой дурной привычки. Чуть ли не до боевых действий дошло. Хотя от Шины как раз-таки пришлось отбиваться. Закончилось все их капитуляцией и негласным уговором — не курить в присутствии почтенного семейства. Исключением являлся мой дом ну и случайности. Потом война вступила в холодную стадию намеков и обвиняющих взглядов, так что я старался не курить при них даже у себя дома, дабы не спровоцировать новый виток. Вот с тех пор так и повелось — если меня кто-то из них достал и хочется ругаться или я чем-то раздражен, а вспылить нельзя, то я просто закуриваю. Им неприятно, а мне по барабану.

Вернувшись обратно уже с прикуренной сигаретой, поставил на стеклянный столик пепельницу и плюхнулся на диван. В целом придется немного изменить линию поведения. Благо старик Кента знает меня как вполне взрослую личность, с десяти лет как-никак один живу. Хотя поначалу пришлось повозиться: не так это просто ребенка изображать. Так что с ним можно не притворяться шестнадцатилетним юнцом. А взбрыкивающий время от времени гормональный баланс подтверждает то, что видят его глаза. Вот авантюристка Акеми до сих пор время от времени на меня странно поглядывает. С ней-то с самого начала попаданец из

другого мира общался.

— Я не буду спрашивать, зачем вы вообще тогда направили меня в Дакисюро. Что случилось, то случилось, время покажет, правы вы были или нет. Что касается неприятностей, то с ними я все же попробую разобраться сам. Не думаю, что все прям уж настолько плохо, как вы описываете. А на будущее постараюсь почаще оглядываться. Возможно, удастся избежать опасностей, — закончив, я запрокинул голову вверх и выдохнул дым в потолок. Я сознательно нагнетал обстановку — пусть посмущается, а то, надо же, взял моду юношей стращать.

— Э, Синдзи... ты меня явно не так понял. Ни о каких опасностях и речи не идет. Я имел в виду обычные школьные проблемы.

О как запел.

— То есть глава клана Исикава, предъявляющий претензии, — это школьные проблемы? — хмыкнул я.

— Синдзи, Исикава Кишо обратился со своей претензией ко мне, а не к тебе. Хочу, кстати, обратить на это твоё внимание. Кишо — достойный человек, и не только из-за того, что не стал разбираться с этим делом сам. Так что зла на него не держи, кто другой вполне мог просто набить тебе морду за оскорбление любимой дочери, не разбираясь в деле вообще, ну, или послать кого-нибудь. Это да.

— Вот тут вопрос спорный, Кента-сан. Слишком уж у меня неопределенное положение, — В ответ приподнятые в вопросе брови. — Ой, вот только не надо тут непонимание изображать. Все вы прекрасно знаете. Я ведь никто, но при этом являюсь соседом главы клана Кояма, который, ко всему прочему, протолкнул меня в элитную школу. — Старик замер. На полмгновения, но замер. — То есть с одной стороны, никто, а с другой — протеже Кояма Кенты. И вот еще вопрос. Если в школе так серьезно относятся к словам, то как Шина должна была мне помогать? — с ухмылкой, разряжая обстановку, спросил я. — Она же не может целый день за мной бегать.

— Ты слишком плохого о себе мнения, я думаю, что тебе достанет мозгов не нарываться, — с улыбкой ответил старик. — Да и Шина девочка умная, как-нибудь выкрутится.

— Да ну-у-у, — протянул я. — Вы как-нибудь поспрашивайте у нее, что сегодня за день в школе произошло, а потом мы с вами обсудим соображалку вашей внучки.

То, что старик вытянет из нее душу, я был уверен. Даже если Шина в самом начале упомянет про случай у стенда, старик все равно на всякий пожарный заставит ее расписать весь день посекундно. Пусть маленькая, но все же месть.

— Так-так, вот оно что! Ладно, вернемся к этой теме позже. А сейчас, может, все же уважишь старика и затушишь, наконец, это порождение злых сил? — попросил дед, разгоняя рукой дым.

Затушив сигарету, задумался. Старик мне не мешал, видимо, у него тоже было о чем подумать. А меня в данный момент больше всего интересовало, знают ли Кояма о моих родителях. Одно дело — обычная семья, пусть и богатая, и другое — правящий род одного из международных кланов, и уж точно одного из первых японских. Главе клана Кояма узнать, где мои родители, куда они наострились и почему бросили сына, — раз плюнуть. Щелкнет пальцами, и вся эта гигантская машина, что обзывается международным кланом, будет работать на поиск моих блудных родичей. Сутки, двое и у него на столе будет лежать пухленькая папочка по этому

делу. Вот мне и интересно, насколько старик любопытен.

Кстати, необходимо уточнить для непосвященных разницу между обычным кланом и международным. Я вроде уже упоминал отношения между кланом и главой государства, но все же напомню. Они равноправные партнеры, если грубо. Кланов живут на землях государя, платят чуть завышенные налоги, подчиняются законам государства, но при этом являются суверенным образованием. Не буду рассказывать все плюсы, получаемые кланами, да я и не знаю всего, но даже то, что лежит на поверхности, уже немало. Права у клановцев похожи на посольские, то есть их нельзя просто захмутать в кутузку и продержать там несколько дней. Некоторые законы вообще на них не распространяются. Если обычного человека за убийство в любом случае будут судить, то представители клана во многих случаях от этого отмазываются. Например, если убит член какого-нибудь другого клана. Или вот, например, владение оружием. Члены клана и клан в целом могут владеть — хранить и носить — любое оружие. От какой-нибудь шестимиллиметровой пукалки до линкора со всем его вооружением. Другое дело, что я не слышал, чтобы кланы владели более чем шестью эсминцами. Ибо и сами корабли, и их обслуживание — дорогое удовольствие даже для столь обеспеченных людей.

А вот боевые роботы, не говоря уже о мобильных доспехах, — это да, любой уважающий себя клан имеет столько тяжелой техники, сколько может позволить содержать. В среднем от десяти до тридцати машин. Правда, в черте города тяжелая техника запрещена. И да, как я мог забыть. Кланов могут быть уверены, что никто не сфабрикует против них дело, что к ним не придут незапоминающиеся личности, чтобы уволочь их в застенки и сгноить там без суда и следствия. Любой клановец знает, что если ему и выдвинут обвинение, то суд будет справедливым настолько, насколько это вообще возможно. Хотя тут работает и обратная сторона: если за таким человеком все-таки пришли, то восемьдесят из ста — он виновен.

В ответ кланов присягают главе государства на верность и обеспечивают всемерную поддержку. А при их экономической и военной силе это очень и очень немало. Причем, заметьте, поддержку. Никто не может приказывать кланам, они — государство в государстве. Император может лишь попросить, и, если его просьба не относится к безопасности конкретно его самого или страны в целом, кланов вполне могут вежливо его послать. Подозреваю, но точно не знаю, что это не все, и в отношениях «император — кланов» великое множество дополнительных условий и нюансов.

В истории Японии, кстати, имеется многовековой казус по поводу этих самых отношений. Все знают, что с тысяча сто девяносто второго года власть императора в стране была номинальной, в то время как правил сегун и его правительство — бакуфу. Императору оставили право давать разрешение на создание клана, какие-то там еще права, с японской историей у меня не очень, а также церемониальные функции. И вот в этом вся соль. Историки до сих пор не могут понять, почему императорский род, заключающий договор с кланов, как до воцарения сегуната, так и после, не кинул клич кланам. Почему до самой эпохи Мэйдзи правители просидели на десятых ролях, довольствуясь своим незавидным положением. Ведь решение было на поверхности. Попроси помощи — и войско, не уступающее армии сегуна, встало бы под твои знамена. А если еще и время удачно выбрать, то и никакой гражданской войны бы не было. Видимо, с императорским родом случилась такая же бяка, что и со мной, они просто не видели то, что лежит у них под носом. Ведь что выходило: кланов дают обещание поддерживать главу государства, которым, по факту, был сегун, но получали разрешение о создании клана и давали слово именно императору. Чем, наконец, и воспользовался хитрый Мэйдзи в девятнадцатом веке, вернув себе всю полноту власти. Тоже, между прочим, интересная история, если рассматривать ее параллельно с историей моего мира. Но сейчас разговор не об этом.

В истории Японии, кстати, имеется многовековой казус по поводу этих самых отношений. Все

знают, что с тысяча сто девяносто второго года власть императора в стране была номинальной, в то время как правил сегун и его правительство — бакуфу. Императору оставили право давать разрешение на создание клана, какие-то там еще права, с японской историей у меня не очень, а также церемониальные функции. И вот в этом вся соль. Историки до сих пор не могут понять, почему императорский род, заключающий договор с кланами, как до воцарения сегуната, так и после, не кинул клич кланам. Почему до самой эпохи Мэйдзи правители просидели на десятых ролях, довольствуясь своим незавидным положением. Ведь решение было на поверхности. Попроси помощи — и войско, не уступающее армии сегуна, встало бы под твои знамена. А если еще и время удачно выбрать, то и никакой гражданской войны бы не было. Видимо, с императорским родом случилась такая же бяка, что и со мной, они просто не видели то, что лежит у них под носом. Ведь что выходило: кланы дают обещание поддерживать главу государства, которым, по факту, был сегун, но получали разрешение о создании клана и давали слово именно императору. Чем, наконец, и воспользовался хитрый Мэйдзи в девятнадцатом веке, вернув себе всю полноту власти. Тоже, между прочим, интересная история, если рассматривать ее параллельно с историей моего мира. Но сейчас разговор не об этом.

Так вот, возвращаясь в современность. Кланов получают много бонусов и прав и фактически две-три обязанности. Неудивительно, что главная привилегия — право на создание клана — считается великой честью и великим даром, и получить это самое право очень, ну очень сложно. В то же время кланы как деньги, если их слишком много, они обесцениваются. Даже если отбросить цинизм моего мира и предположить, что клановцы не станут нарушать слово и указывать главе государства, что делать, или тем паче устраивать революцию, то все равно... никакому правителю не понравится, что на его землях кучкуется толпа вооруженных до зубов дядек, количеством больше, чем его армия, и при этом устраивает между собой потасовки. Так что, как ни крути, главе любого государства невыгодно, когда кланов слишком много.

Так вот, возвращаясь в современность. Кланов получают много бонусов и прав и фактически две-три обязанности. Неудивительно, что главная привилегия — право на создание клана — считается великой честью и великим даром, и получить это самое право очень, ну очень сложно. В то же время кланы как деньги, если их слишком много, они обесцениваются. Даже если отбросить цинизм моего мира и предположить, что клановцы не станут нарушать слово и указывать главе государства, что делать, или тем паче устраивать революцию, то все равно... никакому правителю не понравится, что на его землях кучкуется толпа вооруженных до зубов дядек, количеством больше, чем его армия, и при этом устраивает между собой потасовки. Так что, как ни крути, главе любого государства невыгодно, когда кланов слишком много.

Скорей всего еще лет двести назад все было проще, и создать клан было пусть трудно, но возможно. Сейчас же сложно даже представить, что нужно сделать, чтобы император дал свое согласие. Пожалуй, что-нибудь вечное подарить. Ну там... вечный двигатель или вечную жизнь. В Японии последний раз такое было двести лет назад, в начале девятнадцатого века. И новый клан Куруму во время реставрации Мэйдзи неплохо приподнялся.

Скорей всего еще лет двести назад все было проще, и создать клан было пусть трудно, но возможно. Сейчас же сложно даже представить, что нужно сделать, чтобы император дал свое согласие. Пожалуй, что-нибудь вечное подарить. Ну там... вечный двигатель или вечную жизнь. В Японии последний раз такое было двести лет назад, в начале девятнадцатого века. И новый клан Куруму во время реставрации Мэйдзи неплохо приподнялся.

Международный клан — это, если по-простому, клан, получивший признание двух и более правителей. Их всего четырнадцать во всем мире. Двенадцать кланов, что уломали двух правителей, и два клана, сумевшие уговорить трех. Здесь слова «честь» и «репутация» значат много, если не все. Вон, Испания до сих пор, вот уже четыреста лет, страдает из-за своего

давно почившего королька, который додумался нарушить данное им слово. Могучее когда-то государство в течение нескольких лет скатилось до третьесортной страны, и только после Второй мировой, которая в этом мире тоже была, стало выбираться на вторые роли. Немалое, между прочим, достижение. В общем, в этом мире можно быть уверенным, что ни один правитель более-менее развитого государства не станет пачкаться и заключать договор с первым попавшимся кланом. Для этого клан должен быть старым, уважаемым, сильным, богатым... в общем, самым-самым. Ну и, конечно, еще нужно преподнести подарок правителю, ибо за просто так никто вас и слушать не будет. Впрочем, отец Шины как-то раз сказал, что второй подарок подобрать проще, все же признать суперклан — это не то же самое, что дать разрешение на основание нового, молодого и мало что дающего государству. Очередное бревно в моем глазу, между прочим. И хоть проблем у такого клана прибавится, две страны не могут быть друзьями до гроба, вечно, во всяком случае, но плюшек все равно будет больше. А уж как репутация поднимется...

Международный клан — это, если по-простому, клан, получивший признание двух и более правителей. Их всего четырнадцать во всем мире. Двенадцать кланов, что уломали двух правителей, и два клана, сумевшие уговорить трех. Здесь слова «честь» и «репутация» значат много, если не все. Вон, Испания до сих пор, вот уже четыреста лет, страдает из-за своего давно почившего королька, который додумался нарушить данное им слово. Могучее когда-то государство в течение нескольких лет скатилось до третьесортной страны, и только после Второй мировой, которая в этом мире тоже была, стало выбираться на вторые роли. Немалое, между прочим, достижение. В общем, в этом мире можно быть уверенным, что ни один правитель более-менее развитого государства не станет пачкаться и заключать договор с первым попавшимся кланом. Для этого клан должен быть старым, уважаемым, сильным, богатым... в общем, самым-самым. Ну и, конечно, еще нужно преподнести подарок правителю, ибо за просто так никто вас и слушать не будет. Впрочем, отец Шины как-то раз сказал, что второй подарок подобрать проще, все же признать суперклан — это не то же самое, что дать разрешение на основание нового, молодого и мало что дающего государству. Очередное бревно в моем глазу, между прочим. И хоть проблем у такого клана прибавится, две страны не могут быть друзьями до гроба, вечно, во всяком случае, но плюшек все равно будет больше. А уж как репутация поднимется...

Теперь, я думаю, всем понятно, насколько сложно стать международным кланом и насколько это престижно и выгодно. И главное, насколько могущественен старикашка, сидящий напротив меня. А ведь он еще и Виртуоз! Смешно, если подумать, кого я травлю дешевым кофе.

Теперь, я думаю, всем понятно, насколько сложно стать международным кланом и насколько это престижно и выгодно. И главное, насколько могущественен старикашка, сидящий напротив меня. А ведь он еще и Виртуоз! Смешно, если подумать, кого я травлю дешевым кофе.

Надо начинать задавать вопросы. Старик, если у него нет дел, может часами вот так сидеть, а у меня от любопытства скоро кровь закипит. И вот когда я уже набрал в легкие воздух, по нервам ударил дверной звонок. Длинный такой. А потом еще раз. И еще. И еще пару раз. После чего неожиданный посетитель отзвонил незамысловатую мелодию. И опять длинный звонок.

Надо начинать задавать вопросы. Старик, если у него нет дел, может часами вот так сидеть, а у меня от любопытства скоро кровь закипит. И вот когда я уже набрал в легкие воздух, по нервам ударил дверной звонок. Длинный такой. А потом еще раз. И еще. И еще пару раз. После чего неожиданный посетитель отзвонил незамысловатую мелодию. И опять длинный звонок.

— Это... кто?

— Это... кто?

Похоже, стариковские нервы не рассчитаны на подобное. Но это фигня, сейчас я скажу ему, кто это.

Похоже, стариковские нервы не рассчитаны на подобное. Но это фигня, сейчас я скажу ему, кто это.

— Шина, Кента-сан. Она такая затейница.

— Шина, Кента-сан. Она такая затейница.

Открыв дверь, встретил злой взгляд. Звонить Шина перестала, только услышав, как открывается замок, и теперь стояла, уперев левую руку в бедро, а правой держа школьный портфель.

Открыв дверь, встретил злой взгляд. Звонить Шина перестала, только услышав, как открывается замок, и теперь стояла, уперев левую руку в бедро, а правой держа школьный портфель.

— Совсем охамел, нахлебник, мне тебя что, весь вечер прикажешь ждать?

— Совсем охамел, нахлебник, мне тебя что, весь вечер прикажешь ждать?

Не понял. Это как понимать? Что значит «нахлебник»? Нахлебник у кого? Да и какого черта она такими словами бросается? И ладно если бы в шутку сказала, но ее тон не оставляет сомнений в том, что это было ничем не завуалированное оскорбление.

Не понял. Это как понимать? Что значит «нахлебник»? Нахлебник у кого? Да и какого черта она такими словами бросается? И ладно если бы в шутку сказала, но ее тон не оставляет сомнений в том, что это было ничем не завуалированное оскорбление.

И даже не спросив разрешения, отпихнув меня, зашла в мой дом. Это уже даже не наглость, это хамство. Я даже поначалу не понял, что происходит, она всегда была нагловатой, но сейчас переступила всякие рамки приличия. Но к тому времени как я пришел в себя, она уже была в гостинной, а ругаться с Шиной при ее деде мне было как-то неудобно. Так что пришлось засунуть свое возмущение с ежесекундно повышающейся злостью куда подальше, сделать морду кирпичом и проследовать за ней. Не забыв закрыть дверь.

И даже не спросив разрешения, отпихнув меня, зашла в мой дом. Это уже даже не наглость, это хамство. Я даже поначалу не понял, что происходит, она всегда была нагловатой, но сейчас переступила всякие рамки приличия. Но к тому времени как я пришел в себя, она уже была в гостинной, а ругаться с Шиной при ее деде мне было как-то неудобно. Так что пришлось засунуть свое возмущение с ежесекундно повышающейся злостью куда подальше, сделать морду кирпичом и проследовать за ней. Не забыв закрыть дверь.

Шину я застал посреди гостинной, мнущуюся и смущенную.

Шину я застал посреди гостинной, мнущуюся и смущенную.

— Привет, деда, а что это ты тут делаешь?

— Привет, деда, а что это ты тут делаешь?

Прекрасный вопрос.

Прекрасный вопрос.

Старик посмотрел на нее, потом через ее плечо на меня.

Старик посмотрел на нее, потом через ее плечо на меня.

— Да так, дурью маюсь. В отличие от тебя, насколько могут судить мои уши.

— Да так, дурью маюсь. В отличие от тебя, насколько могут судить мои уши.

— Ну я... это... Ой, а ты опять кофе этого придурка пьешь. Совсем свое здоровье не жалеешь. Давай лучше я тебе чай сделаю. — И, быстренько подхватив чашку с блюдцем, направилась на кухню, однако не преминула бросить, проходя мимо меня: — А то этот недомужчина тебя совсем в гроб вгонит.

— Ну я... это... Ой, а ты опять кофе этого придурка пьешь. Совсем свое здоровье не жалеешь. Давай лучше я тебе чай сделаю. — И, быстренько подхватив чашку с блюдцем, направилась на кухню, однако не преминула бросить, проходя мимо меня: — А то этот недомужчина тебя совсем в гроб вгонит.

Проводив ее взглядом, я сел обратно на диван. Похоже, пора рвать с ней всякие отношения. Это уже ни в какие ворота не лезет. То, на что я мог не обратить внимание наедине, в присутствии кого бы то ни было звучит совсем иначе. А это ее «недомужчина»! Вообще без комментариев. Будь она парнем, я бы ей руки-ноги переломал. И не посмотрел бы ни на присутствие ее деда, ни на ее бойцовский ранг. Благо, уже с год как почти восстановил свои возможности. М-да, почти. Впрочем, на нее хватило бы.

Проводив ее взглядом, я сел обратно на диван. Похоже, пора рвать с ней всякие отношения. Это уже ни в какие ворота не лезет. То, на что я мог не обратить внимание наедине, в присутствии кого бы то ни было звучит совсем иначе. А это ее «недомужчина»! Вообще без комментариев. Будь она парнем, я бы ей руки-ноги переломал. И не посмотрел бы ни на присутствие ее деда, ни на ее бойцовский ранг. Благо, уже с год как почти восстановил свои возможности. М-да, почти. Впрочем, на нее хватило бы.

Немного успокоившись, глянул на старика. Что я могу сказать? Ей явно достанется дома. Лицо деда сейчас — наглядное пособие по действию лимона на среднестатистического человека.

Немного успокоившись, глянул на старика. Что я могу сказать? Ей явно достанется дома. Лицо деда сейчас — наглядное пособие по действию лимона на среднестатистического человека.

— Я приношу извинения за слова... и действия своей внучки.

— Я приношу извинения за слова... и действия своей внучки.

Ему явно не понравилось, как Шина ведет себя в чужом доме. Я-то привык, а вот он с этим столкнулся впервые. Даже странно, за все те годы, что мы соседствуем, он впервые пересекся с Шиной у меня. Как будто этот дом принадлежит ей, а я тут просто в гостях, если кто не понял.

Ему явно не понравилось, как Шина ведет себя в чужом доме. Я-то привык, а вот он с этим столкнулся впервые. Даже странно, за все те годы, что мы соседствуем, он впервые пересекся

с Шиной у меня. Как будто этот дом принадлежит ей, а я тут просто в гостях, если кто не понял.

— Извиняться надо ей, а не вам.

— Извиняться надо ей, а не вам.

— В первую очередь мне. — Ага, Япония, тут нравы такие. — Я ее дед, и ее воспитание...

— В первую очередь мне. — Ага, Япония, тут нравы такие. — Я ее дед, и ее воспитание...

— Вы уж извините, что перебиваю, Кента-сан, но от вас тут мало что зависит. Шина уже не ребенок, и все, что можно, в нее уже вложено. Если человеку на роду написано быть маньяком-убийцей, то, как его ни воспитывай, именно им он и вырастет. А если баба родилась стервой, то ее уже ничто не изменит.

— Вы уж извините, что перебиваю, Кента-сан, но от вас тут мало что зависит. Шина уже не ребенок, и все, что можно, в нее уже вложено. Если человеку на роду написано быть маньяком-убийцей, то, как его ни воспитывай, именно им он и вырастет. А если баба родилась стервой, то ее уже ничто не изменит.

— Весьма спорное утверждение.

— Весьма спорное утверждение.

— Не весьма, Кента-сан, просто спорное, и я это понимаю. Но таково мое мнение. Если в двух одинаковых семьях с одинаковым достатком, с родителями, у которых одинаковый характер, на одинаковой социальной ступени, даже с похожими друзьями родителей, вырастают совершенно разные дети, это что-то да значит.

— Не весьма, Кента-сан, просто спорное, и я это понимаю. Но таково мое мнение. Если в двух одинаковых семьях с одинаковым достатком, с родителями, у которых одинаковый характер, на одинаковой социальной ступени, даже с похожими друзьями родителей, вырастают совершенно разные дети, это что-то да значит.

— И ты с подобным встречался лично?

— И ты с подобным встречался лично?

— Да. — Причем и в моем мире, и в этом.

— Да. — Причем и в моем мире, и в этом.

— Ну не будем спорить. У каждого свое мнение. Я же считаю себя обязанным извиниться перед тобой. — Я в ответ лишь махнул рукой. — Вернемся домой, и я обязательно поговорю с ней.

— Ну не будем спорить. У каждого свое мнение. Я же считаю себя обязанным извиниться перед тобой. — Я в ответ лишь махнул рукой. — Вернемся домой, и я обязательно поговорю с ней.

— Лучше расскажите все Кагами-сан, уж она-то покажет ей мать Кузьмы.

— Лучше расскажите все Кагами-сан, уж она-то покажет ей мать Кузьмы.

— Что?

— Что?

— Русское выражение такое.

— Русское выражение такое.

— Мм, понятно. Пожалуй, ты прав, кому как не матери объяснить, как нужно вести себя девушке.

— Мм, понятно. Пожалуй, ты прав, кому как не матери объяснить, как нужно вести себя девушке.

Вскоре вернулась Шина, неся поднос с двумя чашками. Одну она поставила перед стариком, а вторую взяла сама. Ну а я потянулся за сигаретами.

Вскоре вернулась Шина, неся поднос с двумя чашками. Одну она поставила перед стариком, а вторую взяла сама. Ну а я потянулся за сигаретами.

— Хм, кажется у меня что-то со зрением, — задумчиво произнес Кента, даже не притронувшись к своему чаю. — Никак не могу найти третью чашку.

— Хм, кажется у меня что-то со зрением, — задумчиво произнес Кента, даже не притронувшись к своему чаю. — Никак не могу найти третью чашку.

— Это потому, что ее нет, деда.

— Это потому, что ее нет, деда.

— А почему ее нет?

— А почему ее нет?

— Потому что мелкий и сам может сделать себе чай, если захочет.

— Потому что мелкий и сам может сделать себе чай, если захочет.

А вот это она зря, лучше б дурочку сыграла и хоть как-нибудь попыталась отмазаться.

А вот это она зря, лучше б дурочку сыграла и хоть как-нибудь попыталась отмазаться.

— Шина, позорище рода, иди-ка ты домой. — Приветливые интонации старика никак не согласовались со смыслом его фразы.

— Шина, позорище рода, иди-ка ты домой. — Приветливые интонации старика никак не согласовались со смыслом его фразы.

— Что?

— Что?

Судя по писку девчонки, в словах и интонации своего деда она услышала гораздо больше, чем я. Что, конечно, неудивительно.

Судя по писку девчонки, в словах и интонации своего деда она услышала гораздо больше, чем я. Что, конечно, неудивительно.

— Марш домой, и до моего возвращения носа оттуда не высовывай! — негромко, но веско припечатал глава клана Кояма.

— Марш домой, и до моего возвращения носа оттуда не высовывай! — негромко, но веско припечатал глава клана Кояма.

Вскочив с места, Шина метнулась к выходу. Пусть и не бегом, но очень быстро. Через пару мгновений вернулась обратно и, подхватив школьный портфель, столь же шустро исчезла.

Вскочив с места, Шина метнулась к выходу. Пусть и не бегом, но очень быстро. Через пару мгновений вернулась обратно и, подхватив школьный портфель, столь же шустро исчезла.

Н-да, ситуация. Это как если бы к вам пришел лучший друг... не-э-э, как если бы вы пришли к лучшему другу, а ваша дочь, сестра или там жена явилась бы туда же и начала оскорблять и унижать того самого друга. А ему, другу, кроме всего прочего еще и семейные разборки выслушивать пришлось бы. Так что старика Шина подставила некисло.

Н-да, ситуация. Это как если бы к вам пришел лучший друг... не-э-э, как если бы вы пришли к лучшему другу, а ваша дочь, сестра или там жена явилась бы туда же и начала оскорблять и унижать того самого друга. А ему, другу, кроме всего прочего еще и семейные разборки выслушивать пришлось бы. Так что старика Шина подставила некисло.

— Извини, Синдзи. — Киваю в ответ. Не говорить же, что все нормально. — Я прослежу, чтобы она... раскаялась.

— Извини, Синдзи. — Киваю в ответ. Не говорить же, что все нормально. — Я прослежу, чтобы она... раскаялась.

Ох, ничего себе. Впрочем, так ей и надо.

Ох, ничего себе. Впрочем, так ей и надо.

Ладно, сменим тему. Затушив сигарету, я обратился к старику:

Ладно, сменим тему. Затушив сигарету, я обратился к старику:

— Кента-сан, у меня к вам вопросик имеется, даже несколько, все никак задать не могу.

— Кента-сан, у меня к вам вопросик имеется, даже несколько, все никак задать не могу.

— Слушаю тебя, Синдзи.

— Слушаю тебя, Синдзи.

— Скажите, как так получилось, что глава клана Кояма и его семья обосновались... здесь? Уверен, вы, если захотите, замок себе можете построить, но при этом живете пусть в большом, но явно не по вашему статусу доме. Да и само место. Почему не в центре, а на окраине Токио?

— Скажите, как так получилось, что глава клана Кояма и его семья обосновались... здесь? Уверен, вы, если захотите, замок себе можете построить, но при этом живете пусть в большом, но явно не по вашему статусу доме. Да и само место. Почему не в центре, а на окраине Токио?

— Хм, интересный вопрос. Видишь ли, Синдзи, насчет статуса ты не прав. Есть среди аристократии некие негласные правила, что-то вроде этикета, но более гибкие, изменяющиеся вместе со временем. Например, дом. Примерно века этак до шестнадцатого считалось что замок кроме основных функций является признаком силы и благополучия. От шестнадцатого до девятнадцатого замок уступил место дворцу. Позднее дома аристократии начали уменьшаться. Сейчас наш дом — это эталон хорошего вкуса, для одной семьи. Чем больше народу в семье, тем, соответственно, больше и дом.

— Хм, интересный вопрос. Видишь ли, Синдзи, насчет статуса ты не прав. Есть среди аристократии некие негласные правила, что-то вроде этикета, но более гибкие, изменяющиеся вместе со временем. Например, дом. Примерно века этак до шестнадцатого считалось что замок кроме основных функций является признаком силы и благополучия. От шестнадцатого до девятнадцатого замок уступил место дворцу. Позднее дома аристократии начали уменьшаться. Сейчас наш дом — это эталон хорошего вкуса, для одной семьи. Чем больше народу в семье, тем, соответственно, больше и дом.

— Снова прошу прощения, что перебиваю, Кента-сан, но ваш дом, по-моему, несколько великоват для пяти человек.

— Снова прошу прощения, что перебиваю, Кента-сан, но ваш дом, по-моему, несколько великоват для пяти человек.

— Это не дом велик, Синдзи, а семья у нас маленькая. Дом же рассчитан на семью из семи-восьми человек плюс слуги. Так вот, это что касается размера. Теперь поговорим о том, почему здесь. Что ты знаешь о родовых землях?

— Это не дом велик, Синдзи, а семья у нас маленькая. Дом же рассчитан на семью из семи-восьми человек плюс слуги. Так вот, это что касается размера. Теперь поговорим о том, почему здесь. Что ты знаешь о родовых землях?

— Судя по названию, земли, принадлежащие тому или иному роду.

— Судя по названию, земли, принадлежащие тому или иному роду.

— Правильно. Добавлю еще, что пожалованная земля — высшая степень поощрения, не считая, конечно, разрешения на создание клана. Ибо у нас в Японии, как и в подавляющем большинстве других стран, земля принадлежит только главе государства. И лишь он может подарить ее часть. Аристократии переппадают лишь жалкие кусочки, а те огромные территории, которыми они управляют от лица императора, по факту им не принадлежат. Кстати, во времена сегуната многие об этом забыли, за что и поплатились при Мэйдзи. Земли, подаренные государем, перестают быть его собственностью, и их можно продать-купить, передарить кому-нибудь, отнять, в конце концов. Правда, сейчас отнять земли не так просто, как раньше, все-таки законов стало несколько больше, но сложнее не значит нельзя, и такое случается. Также императоры время от времени выкупали родовые земли, а иногда даже отнимали, правда, не у кланов, но и такое бывало. Такой вот круговорот земли в природе. Всего родовых территорий в нашем государстве процентов десять от всей площади государства. Не скажу, что это мало, но и не много.

— Правильно. Добавлю еще, что пожалованная земля — высшая степень поощрения, не считая, конечно, разрешения на создание клана. Ибо у нас в Японии, как и в подавляющем большинстве других стран, земля принадлежит только главе государства. И лишь он может подарить ее часть. Аристократии переппадают лишь жалкие кусочки, а те огромные

территории, которыми они управляют от лица императора, по факту им не принадлежат. Кстати, во времена сегуната многие об этом забыли, за что и поплатились при Мэйдзи. Земли, подаренные государем, перестают быть его собственностью, и их можно продать-купить, передарить кому-нибудь, отнять, в конце концов. Правда, сейчас отнять земли не так просто, как раньше, все-таки законов стало несколько больше, но сложнее не значит нельзя, и такое случается. Также императоры время от времени выкупали родовые земли, а иногда даже отнимали, правда, не у кланов, но и такое бывало. Такой вот круговорот земли в природе. Всего родовых территорий в нашем государстве процентов десять от всей площади государства. Не скажу, что это мало, но и не много.

— Примерно как Италия.

— Примерно как Италия.

До Второй мировой территория Японии была приблизительно равна таковой в моем мире, но здесь японцы умудрились не только оккупировать Малайский архипелаг, принадлежащий тогда Нидерландам, но и удержать его за собой. Так что здесь и сейчас империя является восьмой в мире по занимаемой территории. Стоит ли упоминать, что в этом мире такой страны, как Индонезия, не существует?

До Второй мировой территория Японии была приблизительно равна таковой в моем мире, но здесь японцы умудрились не только оккупировать Малайский архипелаг, принадлежащий тогда Нидерландам, но и удержать его за собой. Так что здесь и сейчас империя является восьмой в мире по занимаемой территории. Стоит ли упоминать, что в этом мире такой страны, как Индонезия, не существует?

— Эм, ну наверное, не считал. Так вот, есть подозрение, что десять процентов — это тот лимит, который выделяется императором на родовые земли. И увеличивать он его не собирается. И прежде чем кому-то что-то дать, у кого-нибудь что-нибудь заберет. За долги там, или просто купит, или еще как-нибудь. Так что проблема частной собственности стоит очень остро, как у нас, так и в других странах. Цены на пожалованные земли просто заоблачные, а обладатели таких земель получают весомый статус и репутацию. Стоит еще заметить, что чем ближе родовые земли к населенным пунктам, тем они дороже ценятся, да и сам населенный пункт тоже имеет значение. Например, территория, на которой стоит твой дом, без двора, но в центре Токио, будет стоить дороже, чем квадратный километр вблизи какого-нибудь мелкого городка. Мм, примерно так.

— Эм, ну наверное, не считал. Так вот, есть подозрение, что десять процентов — это тот лимит, который выделяется императором на родовые земли. И увеличивать он его не собирается. И прежде чем кому-то что-то дать, у кого-нибудь что-нибудь заберет. За долги там, или просто купит, или еще как-нибудь. Так что проблема частной собственности стоит очень остро, как у нас, так и в других странах. Цены на пожалованные земли просто заоблачные, а обладатели таких земель получают весомый статус и репутацию. Стоит еще заметить, что чем ближе родовые земли к населенным пунктам, тем они дороже ценятся, да и сам населенный пункт тоже имеет значение. Например, территория, на которой стоит твой дом, без двора, но в центре Токио, будет стоить дороже, чем квадратный километр вблизи какого-нибудь мелкого городка. Мм, примерно так.

— Хех, страшно подумать, сколько стоит ваш дом, Кента-сан. Неудивительно, что вы живете здесь, хоть и не в центре, но в черте Токио. Как я понимаю, это весьма полезно для статуса и авторитета?

— Хех, страшно подумать, сколько стоит ваш дом, Кента-сан. Неудивительно, что вы живете здесь, хоть и не в центре, но в черте Токио. Как я понимаю, это весьма полезно для статуса и авторитета?

— Именно так. Если коротко, то наш дом идеален с точки зрения негласного этикета, к тому же стоит на родовых землях, находящихся в черте столицы.

— Именно так. Если коротко, то наш дом идеален с точки зрения негласного этикета, к тому же стоит на родовых землях, находящихся в черте столицы.

— И что, поближе к центру ничего не нашлось? — Ой, как-то это грубовато. — Извините.

— И что, поближе к центру ничего не нашлось? — Ой, как-то это грубовато. — Извините.

— Ничего, ничего. Есть у клана и в центре участки земли, но они, как ни крути, невелики. Примерно как наш дом без прилегающей территории.

— Ничего, ничего. Есть у клана и в центре участки земли, но они, как ни крути, невелики. Примерно как наш дом без прилегающей территории.

— Но ведь, по идее, это круче.

— Но ведь, по идее, это круче.

— Синдзи... впрочем, сам виноват. Видишь ли, Синдзи, клану Кояма принадлежит не только территория нашего дома, а весь квартал.

— Синдзи... впрочем, сам виноват. Видишь ли, Синдзи, клану Кояма принадлежит не только территория нашего дома, а весь квартал.

Ничего себе заявочки!

Ничего себе заявочки!

— То есть земля, на которой я живу, и все наши соседи...

— То есть земля, на которой я живу, и все наши соседи...

— Да-да, именно так.

— Да-да, именно так.

— Но почему... в смысле... зачем вам заселять свои земли левыми людьми?

— Но почему... в смысле... зачем вам заселять свои земли левыми людьми?

— Это территория клана Кояма, и, не считая тебя, тут живут только члены клана и люди клана.

— Это территория клана Кояма, и, не считая тебя, тут живут только члены клана и люди клана.

Нахлебник. Я и вправду нахлебник. Стоп, надо собраться с мыслями. Я все время, что тут жил, честно платил деньги за жилье и подозреваю, что платил клану. А то, что они могли вытурить меня отсюда в любой момент, меня не касается. И, кстати, да, почему они этого не сделали? Стоп, не о том разговор. Какого я вообще тут живу? Как так получилось, что мои родители тут

поселились? И еще: как насчет охраны? Даже если они могут прекрасно защитить себя сами, с Виртуозом, Мастером и Учителем в семье, не считая Кагами-сан, уж не знаю, есть ли у нее ранг и какой он, им в любом случае охрана по статусу положена. А учитывая, что здесь живет целый квартал клановцев, то и охраны этой должно быть до фига. Но за шесть лет я ничего такого не заметил, а значит, либо ее тут нет, либо я лох. И скорее всего последнее.

Нахлебник. Я и вправду нахлебник. Стоп, надо собраться с мыслями. Я все время, что тут жил, честно платил деньги за жилье и подозреваю, что платил клану. А то, что они могли вытурить меня отсюда в любой момент, меня не касается. И, кстати, да, почему они этого не сделали? Стоп, не о том разговор. Какого я вообще тут живу? Как так получилось, что мои родители тут поселились? И еще: как насчет охраны? Даже если они могут прекрасно защитить себя сами, с Виртуозом, Мастером и Учителем в семье, не считая Кагами-сан, уж не знаю, есть ли у нее ранг и какой он, им в любом случае охрана по статусу положена. А учитывая, что здесь живет целый квартал клановцев, то и охраны этой должно быть до фига. Но за шесть лет я ничего такого не заметил, а значит, либо ее тут нет, либо я лох. И скорее всего последнее.

— Черт, у меня после ваших слов столько вопросов появилось, что я даже не знаю, с чего начать.

— Черт, у меня после ваших слов столько вопросов появилось, что я даже не знаю, с чего начать.

— Ха-ха, давай уж, вываливай, а там разберемся.

— Ха-ха, давай уж, вываливай, а там разберемся.

— Ну во-первых, как насчет слуг? Вы просто про них упомянули, что, мол, дом и на них рассчитан, а самих слуг и нет. Также интересно, что с охраной. Все-таки вам по статусу тут охрана нужна, да и без статуса не помешает. Еще интересно, как так получилось, что мои родители здесь поселились. Они ведь не состоят в вашем клане, и в квартале Кояма им делать нечего. И какой ранг у Кагами-сан, если он есть, конечно?

— Ну во-первых, как насчет слуг? Вы просто про них упомянули, что, мол, дом и на них рассчитан, а самих слуг и нет. Также интересно, что с охраной. Все-таки вам по статусу тут охрана нужна, да и без статуса не помешает. Еще интересно, как так получилось, что мои родители здесь поселились. Они ведь не состоят в вашем клане, и в квартале Кояма им делать нечего. И какой ранг у Кагами-сан, если он есть, конечно?

— Ветеран. Насчет слуг — все вопросы к Кагами. Она почему-то вбила себе в голову, что чем лучше жена, тем меньше требуется прислуги. Хотя время от времени все же приходится приглашать слуг, дом у нас немаленький. Насчет охраны все просто — датчики, камеры, как простые, так и скрытые. Додзе, ну, то самое, которое рядом с нами. И, конечно, мониторинг со спутника. Да и обычных жителей квартала нельзя со счетов сбрасывать, они тоже бойцы знатные. Не все, естественно, но многие.

— Ветеран. Насчет слуг — все вопросы к Кагами. Она почему-то вбила себе в голову, что чем лучше жена, тем меньше требуется прислуги. Хотя время от времени все же приходится приглашать слуг, дом у нас немаленький. Насчет охраны все просто — датчики, камеры, как простые, так и скрытые. Додзе, ну, то самое, которое рядом с нами. И, конечно, мониторинг со спутника. Да и обычных жителей квартала нельзя со счетов сбрасывать, они тоже бойцы знатные. Не все, естественно, но многие.

Теперь я понимаю, как я умудрился ничего не замечать. Тут весь квартал напичкан

электроникой. Будь здесь живая охрана, то я почувствовал бы их внимание, а так... Да еще этот спутник. Хотя спутник — это не такая уж и проблема. Следить за одним человеком, да в городе вроде Токио? Ха. Интересно, кстати, что за спутник такой и кто им позволил повесить его над столицей. По поводу остальной техники тоже интересно. Я ведь и раньше знал о ней, каждый день любовался. Многое, конечно, запрятано — дай бог, но тем не менее... Вот только я считал все это обычной дорогой охранкой, всегда знал, что живу среди небедных людей. Но то, что это все соединено в систему... И, конечно, додзе, или, по-русски, спортзал, хотя японцы в это слово вкладывают гораздо больше смысла. Один раз сам ходил посмотреть, а пару раз меня туда пытались затащить. Так что я всегда старался обходить его стороной. А оно вон как. Оказывается, это база бойцов клана. М-да-а-а. Осталось выяснить, следили ли за мной во время моих ночных вылазок. То, что о них знают, это факт.

Теперь я понимаю, как я умудрился ничего не замечать. Тут весь квартал напичкан электроникой. Будь здесь живая охрана, то я почувствовал бы их внимание, а так... Да еще этот спутник. Хотя спутник — это не такая уж и проблема. Следить за одним человеком, да в городе вроде Токио? Ха. Интересно, кстати, что за спутник такой и кто им позволил повесить его над столицей. По поводу остальной техники тоже интересно. Я ведь и раньше знал о ней, каждый день любовался. Многое, конечно, запрятано — дай бог, но тем не менее... Вот только я считал все это обычной дорогой охранкой, всегда знал, что живу среди небедных людей. Но то, что это все соединено в систему... И, конечно, додзе, или, по-русски, спортзал, хотя японцы в это слово вкладывают гораздо больше смысла. Один раз сам ходил посмотреть, а пару раз меня туда пытались затащить. Так что я всегда старался обходить его стороной. А оно вон как. Оказывается, это база бойцов клана. М-да-а-а. Осталось выяснить, следили ли за мной во время моих ночных вылазок. То, что о них знают, это факт.

Кстати, что-то старичок задумался, не спешит рассказывать о родителях.

Кстати, что-то старичок задумался, не спешит рассказывать о родителях.

— Эх. Не хотелось бы мне говорить, но ведь это было неизбежно. Видишь ли, Синдзи, — посмотрел он мне прямо в глаза, — твои родители были частью клана. У них даже свой герб был. Но шесть лет назад они совершили преступление — пытались ограбить клан, выкрасть очень важную вещь. За что были лишены герба и изгнаны.

— Эх. Не хотелось бы мне говорить, но ведь это было неизбежно. Видишь ли, Синдзи, — посмотрел он мне прямо в глаза, — твои родители были частью клана. У них даже свой герб был. Но шесть лет назад они совершили преступление — пытались ограбить клан, выкрасть очень важную вещь. За что были лишены герба и изгнаны.

Потрясающе, мои горе-родители, ко всему прочему, еще и воришки.

Потрясающе, мои горе-родители, ко всему прочему, еще и воришки.

— Все равно не понимаю, меня-то почему с собой не забрали.

— Все равно не понимаю, меня-то почему с собой не забрали.

— Видимо, таким образом они пытались оставить тебя в клане. Знали, что мы не станем тебя выселять и присмотрим за тобой, а возможно, и обратно примем. Кагами, например, очень на этом настаивала, но ты еще несовершеннолетний.

— Видимо, таким образом они пытались оставить тебя в клане. Знали, что мы не станем тебя выселять и присмотрим за тобой, а возможно, и обратно примем. Кагами, например, очень на

этом настаивала, но ты еще несовершеннолетний.

— А почему «видимо»? Есть и другие причины?

— А почему «видимо»? Есть и другие причины?

— Причин можно придумать много, но они по большей части параноидальны и маловероятны.

— Причин можно придумать много, но они по большей части параноидальны и маловероятны.

— Но они есть?

— Но они есть?

— Конечно, как я сказал, придумать можно много чего. Вот если бы они изначально отказались от своих прав на тебя, ты уж извини за эти слова, тогда все было бы просто и очевидно, а так остается лишь гадать.

— Конечно, как я сказал, придумать можно много чего. Вот если бы они изначально отказались от своих прав на тебя, ты уж извини за эти слова, тогда все было бы просто и очевидно, а так остается лишь гадать.

Господи, как же все это глупо! Одно-единственное решение, и множество непоняток в будущем. Ну что мне стоило, как и говорилось в прощальном письме родителей, пойти к соседям? Быстренько оформили бы на меня опеку, и являлся бы я сейчас членом клана. Очень сильного клана. Правда, теперь, когда я почти восстановил свои возможности Абсолюта, мне как-то и не хочется в клан. Уж больно перспективы карьерного роста удручают.

Господи, как же все это глупо! Одно-единственное решение, и множество непоняток в будущем. Ну что мне стоило, как и говорилось в прощальном письме родителей, пойти к соседям? Быстренько оформили бы на меня опеку, и являлся бы я сейчас членом клана. Очень сильного клана. Правда, теперь, когда я почти восстановил свои возможности Абсолюта, мне как-то и не хочется в клан. Уж больно перспективы карьерного роста удручают.

Даже не знаю, говорить старику про родителей или нет. Силой меня в клан никто не потащит, конечно, но вот знание того, что я жил все это время без какой-либо поддержки со стороны... Сами прикиньте — десятилетний малыш, которого все вроде знают как облупленного, умудряется доставать деньги не только на еду, но и на квартплату, одежду, школьные принадлежности и так далее и тому подобное. О-хо-хо. Как бы еще уточнить, в курсе ли старичок про мою «теневую» жизнь. И сейчас мне уже хочется, чтобы он знал, тогда я буду уверен, что его отношение ко мне не изменится. С другой стороны, у человека, облеченного такой властью и такими деньгами, как у Кояма Кенты, руки в любом случае запачканы. Да и умный он старикан, поймет, что по-другому мне было никак. Как же разговор на эту тему перевести? А может, прям так в лоб и спросить?

Даже не знаю, говорить старику про родителей или нет. Силой меня в клан никто не потащит, конечно, но вот знание того, что я жил все это время без какой-либо поддержки со стороны... Сами прикиньте — десятилетний малыш, которого все вроде знают как облупленного, умудряется доставать деньги не только на еду, но и на квартплату, одежду, школьные принадлежности и так далее и тому подобное. О-хо-хо. Как бы еще уточнить, в курсе ли старичок про мою «теневую» жизнь. И сейчас мне уже хочется, чтобы он знал, тогда я буду уверен, что его отношение ко мне не изменится. С другой стороны, у человека, облеченного такой властью и такими деньгами, как у Кояма Кенты, руки в любом случае запачканы. Да и

умный он старикан, поймет, что по-другому мне было никак. Как же разговор на эту тему перевести? А может, прям так в лоб и спросить?

— Ответьте мне еще на один вопрос, Кента-сан. Вы следили за мной во время моих... ночных отлучек?

— Ответьте мне еще на один вопрос, Кента-сан. Вы следили за мной во время моих... ночных отлучек?

— Нет, Синдзи. Мы просто о них знали, — хмыкнул старик. Но главное, не соврал. Я хоть и не эмпат и даже не Тень, однако на моем уровне восприятия мира правду ото лжи отличить сумею. Особенно с таким четким ответом. — Хотя Кагами волнуется даже сейчас, не говоря уже о более ранних случаях.

— Нет, Синдзи. Мы просто о них знали, — хмыкнул старик. Но главное, не соврал. Я хоть и не эмпат и даже не Тень, однако на моем уровне восприятия мира правду ото лжи отличить сумею. Особенно с таким четким ответом. — Хотя Кагами волнуется даже сейчас, не говоря уже о более ранних случаях.

— Да ладно? И при этом не приказала никому посмотреть, куда я шляюсь по ночам?

— Да ладно? И при этом не приказала никому посмотреть, куда я шляюсь по ночам?

— Я запретил. Но какую бурю мне пришлось выдержать, тебе лучше не знать.

— Я запретил. Но какую бурю мне пришлось выдержать, тебе лучше не знать.

Судя по тому, как он скривился, действительно лучше не знать.

Судя по тому, как он скривился, действительно лучше не знать.

— Хм, причины?

— Хм, причины?

— В двух словах не объяснишь, — задумчиво протянул он. — Видишь ли, Синдзи, если бы ты был членом семьи, то тут даже вопроса не стояло, давно бы уже отчитывался, где шляешься. Если бы ты был всего лишь малознакомым соседским мальчишкой, то я бы пошевелился разве что только из любопытства. Но ты ни то и ни другое. В нашей семье все сильно тебе симпатизируют, Кагами вообще тебя чуть ли не сыном считает, но при этом по факту ты даже в клане не состоишь. Поэтому, когда мне доложили про твои ночные прогулки, передо мной встала дилемма. С одной стороны, мы все за тебя беспокоились, девчонки, кстати, ничего про это не знают, с другой — отдавая приказ проследить за тобой, я совал нос в дела человека, который мне дорог. Будь ты постарше, а так... В итоге, немного подождав, мы с Акено решили не лезть. Ты выглядел достаточно уверенно, не унывал, неожиданных синяков и ссадин не появлялось, да и оценки в школе только улучшались, — закончил с улыбкой старик.

— В двух словах не объяснишь, — задумчиво протянул он. — Видишь ли, Синдзи, если бы ты был членом семьи, то тут даже вопроса не стояло, давно бы уже отчитывался, где шляешься. Если бы ты был всего лишь малознакомым соседским мальчишкой, то я бы пошевелился разве что только из любопытства. Но ты ни то и ни другое. В нашей семье все сильно тебе симпатизируют, Кагами вообще тебя чуть ли не сыном считает, но при этом по факту ты даже в клане не состоишь. Поэтому, когда мне доложили про твои ночные прогулки, передо мной

встала дилемма. С одной стороны, мы все за тебя беспокоились, девчонки, кстати, ничего про это не знают, с другой — отдавая приказ проследить за тобой, я совал нос в дела человека, который мне дорог. Будь ты постарше, а так... В итоге, немного подождав, мы с Акено решили не лезть. Ты выглядел достаточно уверенно, не унывал, неожиданных синяков и ссадин не появлялось, да и оценки в школе только улучшались, — закончил с улыбкой старик.

— А если я шпион какой-нибудь? — Ну не мог я не спросить, уж больно для меня дико и по-детски звучали его слова.

— А если я шпион какой-нибудь? — Ну не мог я не спросить, уж больно для меня дико и по-детски звучали его слова.

— Ты? Шпион? Для этого твои действия слишком нелогичны. Я скорей подумаю, что ты не с той компанией связался и теперь, как это... шустришь на каких-нибудь бандитов.

— Ты? Шпион? Для этого твои действия слишком нелогичны. Я скорей подумаю, что ты не с той компанией связался и теперь, как это... шустришь на каких-нибудь бандитов.

Лучше промолчу.

Лучше промолчу.

Грустно посмотрев на опустевшую чашку, которую катал между ладоней, старик обратился ко мне:

Грустно посмотрев на опустевшую чашку, которую катал между ладоней, старик обратился ко мне:

— Знаешь, Синдзи, пойду я, пожалуй. Мне еще порядок дома наводить. Да и без того дела имеются.

— Знаешь, Синдзи, пойду я, пожалуй. Мне еще порядок дома наводить. Да и без того дела имеются.

— Может, вам чайку на дорожку...

— Может, вам чайку на дорожку...

— Нет-нет, спасибо. У меня и вправду много дел. — Вздохнул: — Не до чая сейчас. Первый учебный день как-никак.

— Нет-нет, спасибо. У меня и вправду много дел. — Вздохнул: — Не до чая сейчас. Первый учебный день как-никак.

Встав одновременно со стариком, проводил его до выхода.

Встав одновременно со стариком, проводил его до выхода.

— До свидания, Кента-сан.

— До свидания, Кента-сан.

— До свидания, Синдзи. Если появятся какие-нибудь вопросы, обращайся. Чем смогу, помогу.

— До свидания, Синдзи. Если появятся какие-нибудь вопросы, обращайся. Чем смогу, помогу.

— Спасибо, Кента-сан, обязательно.

— Спасибо, Кента-сан, обязательно.

Ближе к полуночи, собираясь развлекаться, я вспомнил, что не спросил у Кенты насчет школьных клубов. А ведь был такой шанс отмазаться... Хотя о чем это я, вот придет прощения за внучку просить, тогда и поговорим.

Ближе к полуночи, собираясь развлекаться, я вспомнил, что не спросил у Кенты насчет школьных клубов. А ведь был такой шанс отмазаться... Хотя о чем это я, вот придет прощения за внучку просить, тогда и поговорим.

* * *

* * *

«Ласточка» — сейчас весьма популярный ночной клуб, который всего полтора года назад почти загнулся. Его основатель и бессменный бармен Хонда Ацуси почти сразу попал в поле зрения одной из преступных банд, и та очень быстро прижала мужика, начав использовать его заведение в качестве штаб-квартиры. Что там только не происходило, чего там только не хранили, какие только люди там не шастали. Естественно, что никто не рекламировал данный клуб, никакой PR-компании, да и просто попасть туда было проблемно, даже если наткнешься на него. Про прибыль вообще молчу, местный криминалитет оплачивал аренду и содержание здания, некоторое количество еды и выпивки, но даже не пытался получить хоть какой-то доход с самого места. А потом с ними случилась Наката Акеми. Сам клуб не был ее целью, но, уничтожив банду и забрав все, что им принадлежало, она фактически вернула «Ласточку» прежнему владельцу. Не забыв, правда, обложить его стандартной данью. В результате бедный Хонда, практически без денег и с подмоченной репутацией, почти потерял клуб.

«Ласточка» — сейчас весьма популярный ночной клуб, который всего полтора года назад почти загнулся. Его основатель и бессменный бармен Хонда Ацуси почти сразу попал в поле зрения одной из преступных банд, и та очень быстро прижала мужика, начав использовать его заведение в качестве штаб-квартиры. Что там только не происходило, чего там только не хранили, какие только люди там не шастали. Естественно, что никто не рекламировал данный клуб, никакой PR-компании, да и просто попасть туда было проблемно, даже если наткнешься на него. Про прибыль вообще молчу, местный криминалитет оплачивал аренду и содержание здания, некоторое количество еды и выпивки, но даже не пытался получить хоть какой-то доход с самого места. А потом с ними случилась Наката Акеми. Сам клуб не был ее целью, но, уничтожив банду и забрав все, что им принадлежало, она фактически вернула «Ласточку» прежнему владельцу. Не забыв, правда, обложить его стандартной данью. В результате бедный Хонда, практически без денег и с подмоченной репутацией, почти потерял клуб.

И именно в этот момент на горизонте появился я. Мне тогда пришло в голову, что неплохо иметь место, на которое, если что, я могу показать пальцем и сказать: «Всю ночь тусовался», — и где подтвердят это. В общем, я решил занять прикрытие. А клуб для этого неплохо подходил. Ну а так как сопляку вроде меня никто ничего бы не продал, я обратился к Акеми, которая и посоветовала мне «Ласточку». Сначала, правда, она говорила про другое заведение, но я заикнулся про дань, мол, хорошо бы избавиться от нее мой будущий клуб, и вот тогда она и направила меня к Хонде.

И именно в этот момент на горизонте появился я. Мне тогда пришло в голову, что неплохо

иметь место, на которое, если что, я могу показать пальцем и сказать: «Всю ночь тусовался», — и где подтвердят это. В общем, я решил занять прикрытое. А клуб для этого неплохо подходил. Ну а так как сопляку вроде меня никто ничего бы не продал, я обратился к Акеми, которая и посоветовала мне «Ласточку». Сначала, правда, она говорила про другое заведение, но я заикнулся про дань, мол, хорошо бы избавиться от нее мой будущий клуб, и вот тогда она и направила меня к Хонде.

В качестве поддержки Акеми послала со мной Исиатаму, который за всю встречу произнес всего одну фразу: «Этот парень хочет купить твой клуб, так что назови цену». То, что последовало за этим, не чем иным, как истерикой, я назвать не могу. Вопли, слюни, матюги. И обанкротили мы его, и ограбили. И мечту мы его уничтожили. Полное решимости лицо и обещание, что он лучше подохнет, но клуб не продаст. В общем, четырнадцатилетнему пацану пришлось брать разговор в свои руки. Как итог — пятьдесят процентов стоимости клуба за символическую цену. От меня же требовались финансы на поднятие заведения и прикрытое от разной уголовщины, которое по факту будет осуществлять Акеми. Ну и, конечно, Хонда обязан молчать про меня. Даже по бумагам «Ласточка» полностью принадлежит ему. Вообще идеально. Хозяин, который кровно нуждается во мне и как никто понимает, что с ним будет, если он меня подведет. А уж насмотревшись за несколько лет на всю эту преступную кашу, он очень даже понимает. Я через пару месяцев даже уступил ему один процент, чтоб он с чистой совестью мог сказать, хотя бы себе, что он старший партнер. Хонда в конце разговора, по моему, даже уважал меня, правда, непонятно за что.

В качестве поддержки Акеми послала со мной Исиатаму, который за всю встречу произнес всего одну фразу: «Этот парень хочет купить твой клуб, так что назови цену». То, что последовало за этим, не чем иным, как истерикой, я назвать не могу. Вопли, слюни, матюги. И обанкротили мы его, и ограбили. И мечту мы его уничтожили. Полное решимости лицо и обещание, что он лучше подохнет, но клуб не продаст. В общем, четырнадцатилетнему пацану пришлось брать разговор в свои руки. Как итог — пятьдесят процентов стоимости клуба за символическую цену. От меня же требовались финансы на поднятие заведения и прикрытое от разной уголовщины, которое по факту будет осуществлять Акеми. Ну и, конечно, Хонда обязан молчать про меня. Даже по бумагам «Ласточка» полностью принадлежит ему. Вообще идеально. Хозяин, который кровно нуждается во мне и как никто понимает, что с ним будет, если он меня подведет. А уж насмотревшись за несколько лет на всю эту преступную кашу, он очень даже понимает. Я через пару месяцев даже уступил ему один процент, чтоб он с чистой совестью мог сказать, хотя бы себе, что он старший партнер. Хонда в конце разговора, по моему, даже уважал меня, правда, непонятно за что.

С деньгами Ацуси, по прозвищу Шотган, реанимировал свое заведение, а с рекламой, как-то так получилось, помог я. Сейчас эта самая реклама в полном составе сидела на своем любимом месте и, как всегда, то ли что-то праздновала, то ли просто ужинала.

С деньгами Ацуси, по прозвищу Шотган, реанимировал свое заведение, а с рекламой, как-то так получилось, помог я. Сейчас эта самая реклама в полном составе сидела на своем любимом месте и, как всегда, то ли что-то праздновала, то ли просто ужинала.

Место представляло из себя диван в виде буквы «П» с низким овальным столиком, а располагалось все это у стены напротив барной стойки.

Место представляло из себя диван в виде буквы «П» с низким овальным столиком, а располагалось все это у стены напротив барной стойки.

— Привет, народ. Чего такие веселые?

— Привет, народ. Чего такие веселые?

— Хо, Синдзи, очередной раз убеждаюсь: ты прямо чувствуешь правильные моменты! — встретил меня крик черноволосого парня лет двадцати пяти.

— Хо, Синдзи, очередной раз убеждаюсь: ты прямо чувствуешь правильные моменты! — встретил меня крик черноволосого парня лет двадцати пяти.

В полумраке клуба не видно, но я знаю, что у него темно-карие глаза и небольшой шрам у левого глаза, похожий на букву «Х»

В полумраке клуба не видно, но я знаю, что у него темно-карие глаза и небольшой шрам у левого глаза, похожий на букву «Х»

— Ха? Так что случилось-то?

— Ха? Так что случилось-то?

— Часа полтора назад мы подписали контракт с «Трайн Рекордс», так что поздравь нас, мировому турне быть!

— Часа полтора назад мы подписали контракт с «Трайн Рекордс», так что поздравь нас, мировому турне быть!

— О! Так я выиграл! Говорил же, что не пройдет и двух лет.

— О! Так я выиграл! Говорил же, что не пройдет и двух лет.

— Черт, а я и забыл. — Нориюки.

— Черт, а я и забыл. — Нориюки.

— А ведь и правда. — Итару.

— А ведь и правда. — Итару.

— Ну это же Синдзи. — Ева, единственная женщина в этой компании.

— Ну это же Синдзи. — Ева, единственная женщина в этой компании.

— Так садись и выпей с нами за это! — Таку, который тут же получил подзатыльник от Евы.

— Так садись и выпей с нами за это! — Таку, который тут же получил подзатыльник от Евы.

— Что-то много удивления, Синдзи, — улыбнулся Роко, лидер поп— и рок-группы «Интер». — Похоже, ты и сам в это не верил.

— Что-то много удивления, Синдзи, — улыбнулся Роко, лидер поп— и рок-группы «Интер». — Похоже, ты и сам в это не верил.

Есть немного. У них тогда была прямо-таки череда неудач, и личных, и профессиональных. Вот я и решил их приободрить, они отмахнулись, а я возьми и поспорь. На один процент от продажи дисков. Я и вправду тогда не верил в подобное, но что-то же надо было делать. Так что теперь я имею два процента, один за спор и один за тексты и музыку для песен. Из моего

мира, но об этом тсс, никому ни слова.

Есть немного. У них тогда была прямо-таки череда неудач, и личных, и профессиональных. Вот я и решил их приободрить, они отмахнулись, а я возьми и поспорь. На один процент от продажи дисков. Я и вправду тогда не верил в подобное, но что-то же надо было делать. Так что теперь я имею два процента, один за спор и один за тексты и музыку для песен. Из моего мира, но об этом тсс, никому ни слова.

— Просто я не думал, что это произойдет настолько быстро. За полтора года управились. — Сейчас они одни из самых популярных музыкантов Японии. Да и за ее пределами известны. А главное, отличная реклама для нашего с Шотганом клуба.

— Просто я не думал, что это произойдет настолько быстро. За полтора года управились. — Сейчас они одни из самых популярных музыкантов Японии. Да и за ее пределами известны. А главное, отличная реклама для нашего с Шотганом клуба.

— Мы хотели тебе позвонить, да время было позднее, а с тобой не угадаешь, свободен ты или занят, спать ложишься или гулять идешь. Так что решили тебе завтра все рассказать, — сказала Ева.

— Мы хотели тебе позвонить, да время было позднее, а с тобой не угадаешь, свободен ты или занят, спать ложишься или гулять идешь. Так что решили тебе завтра все рассказать, — сказала Ева.

Сегодня она была без цветных линз, которые меняла чуть ли не каждые пару дней, и я мог наблюдать ее природный желтый цвет глаз. Единственный человек в группе, у которого был не черный цвет волос. Вроде как родной цвет ее волос темно-русый, но я про это только слышал, а так она щеголяет темно-синими.

Сегодня она была без цветных линз, которые меняла чуть ли не каждые пару дней, и я мог наблюдать ее природный желтый цвет глаз. Единственный человек в группе, у которого был не черный цвет волос. Вроде как родной цвет ее волос темно-русый, но я про это только слышал, а так она щеголяет темно-синими.

— Кстати, рассчитываем на тебя, — добавил Итару, парень с перебитым носом. Барабанщик и единственный, кроме меня, поставщик текстов для группы. — Пара-тройка песен нам пригодится.

— Кстати, рассчитываем на тебя, — добавил Итару, парень с перебитым носом. Барабанщик и единственный, кроме меня, поставщик текстов для группы. — Пара-тройка песен нам пригодится.

— Ладно, — сказал я, осматривая заставленный выпивкой и закусками стол. — Вы только не забудьте потом сказать мне, по каким странам турне пройдет. — О, креветки в кляре! — Когда вам, кстати, в путь?

— Ладно, — сказал я, осматривая заставленный выпивкой и закусками стол. — Вы только не забудьте потом сказать мне, по каким странам турне пройдет. — О, креветки в кляре! — Когда вам, кстати, в путь?

— Через полгода, — ответил Роко. — На вот мясные шарики, очень даже ничего.

— Через полгода, — ответил Роко. — На вот мясные шарики, очень даже ничего.

Надо еще отметить, что Роко с Евой — парочка, а меня они записали себе в младшие братья. Когда я просек фишку, решил: фиг с ними, пусть заботятся, лишь бы ненавязчиво. Ах да, еще они все были одноклассниками, кроме Евы, она на год младше.

Надо еще отметить, что Роко с Евой — парочка, а меня они записали себе в младшие братья. Когда я просек фишку, решил: фиг с ними, пусть заботятся, лишь бы ненавязчиво. Ах да, еще они все были одноклассниками, кроме Евы, она на год младше.

— Сегодня же начало учебного года! — вспомнил Таку, черноволосый, как и все парни в группе. — Надо бы за это выпить! — воскликнул он. Но тут же поперхнулся, поймав взгляд Евы. — Мне.

— Сегодня же начало учебного года! — вспомнил Таку, черноволосый, как и все парни в группе. — Надо бы за это выпить! — воскликнул он. Но тут же поперхнулся, поймав взгляд Евы. — Мне.

Забавный парень. Примечателен тем, что постоянно предлагает выпить. Как будто бы находится в вечном поиске собутыльника, вот только пьет он как бы не меньше всех. Я как-то видел, как он на спор перепил Шотгана. Не то чтобы он такой устойчивый к выпивке, как и большинство в принципе, но для человека, который мало пьет, Таку неплохо держится.

Забавный парень. Примечателен тем, что постоянно предлагает выпить. Как будто бы находится в вечном поиске собутыльника, вот только пьет он как бы не меньше всех. Я как-то видел, как он на спор перепил Шотгана. Не то чтобы он такой устойчивый к выпивке, как и большинство в принципе, но для человека, который мало пьет, Таку неплохо держится.

— Кстати, да, — заметила Ева, все еще косясь на Таку. — У тебя же сегодня первый день в школе. Давай рассказывай, как все прошло. И вообще, куда ты поступил?

— Кстати, да, — заметила Ева, все еще косясь на Таку. — У тебя же сегодня первый день в школе. Давай рассказывай, как все прошло. И вообще, куда ты поступил?

— Дакисюро, — сказал я, ища, чего выпить. А на столе, как всегда, у этой компании стояла газировка и вишневый сок Евы. Не считая спиртного. — Ну... в общем, день как день, ничего интересного.

— Дакисюро, — сказал я, ища, чего выпить. А на столе, как всегда, у этой компании стояла газировка и вишневый сок Евы. Не считая спиртного. — Ну... в общем, день как день, ничего интересного.

— Дакисюро? — поднял брови Роко. — Нехилые у тебя подвязки. Но, знаешь, если у тебя такие связи, лучше б ты в Ширубарири поступил. Того же класса школа. Там, конечно, свои заморочки, но все же лучше, чем Дакисюро.

— Дакисюро? — поднял брови Роко. — Нехилые у тебя подвязки. Но, знаешь, если у тебя такие связи, лучше б ты в Ширубарири поступил. Того же класса школа. Там, конечно, свои заморочки, но все же лучше, чем Дакисюро.

Не стоит им, наверное, говорить, что я рядом с ней живу. Ничего секретного, конечно, но, если честно, влом отвечать на вопросы, которые непременно возникнут. А рассказывать про истинную причину мне просто стыдно.

Не стоит им, наверное, говорить, что я рядом с ней живу. Ничего секретного, конечно, но, если

честно, влом отвечать на вопросы, которые непременно возникнут. А рассказывать про истинную причину мне просто стыдно.

— У меня не просто связи, а связи именно с этой школой. Ни в какую другую я просто не смог бы попасть.

— У меня не просто связи, а связи именно с этой школой. Ни в какую другую я просто не смог бы попасть.

— Поня-а-атненько... — протянул Роко. — Тогда да, если выдержишь, в будущем тебе это поможет.

— Поня-а-атненько... — протянул Роко. — Тогда да, если выдержишь, в будущем тебе это поможет.

— Я что-то не поняла, что такого страшного в Дакисюро? — спросила единственная дама в нашей компании.

— Я что-то не поняла, что такого страшного в Дакисюро? — спросила единственная дама в нашей компании.

— Хм. Надеюсь, все помнят, кто мой папаша? — Его отец был главой клана Бурухато — небольшого и малознакомого широкой публике, но тем не менее... Элита — она элита и есть. И даже этот небольшой клан мог завязать в узел многих и многих. Правда, Роко что-то не поделил со своим отцом и сразу после окончания старшей школы ушел в свободное плавание. — Так вот. Как вы все понимаете, попасть в любую из четырех знаменитых школ для меня было не проблемой, но готовили меня именно к Дакисюро. Там учились мой отец и старший брат. Вот только Дакисюро... как бы это сказать... Вы вообще слышали о четырех элитных старших школах столичного округа? — Телячьи глаза были ему ответом. — Понятно. Если кратко, то в Токийском округе полно старших школ, сравнимых с Дакисюро по классу, но эти четыре школы считаются самыми-самыми. И по мне, так заслуженно. Например, у них сильнейшие спортивные клубы, не самые, конечно, но в финалах постоянно мелькают. Вы, ребята, кстати, должны помнить Великий похмельный день.

— Хм. Надеюсь, все помнят, кто мой папаша? — Его отец был главой клана Бурухато — небольшого и малознакомого широкой публике, но тем не менее... Элита — она элита и есть. И даже этот небольшой клан мог завязать в узел многих и многих. Правда, Роко что-то не поделил со своим отцом и сразу после окончания старшей школы ушел в свободное плавание. — Так вот. Как вы все понимаете, попасть в любую из четырех знаменитых школ для меня было не проблемой, но готовили меня именно к Дакисюро. Там учились мой отец и старший брат. Вот только Дакисюро... как бы это сказать... Вы вообще слышали о четырех элитных старших школах столичного округа? — Телячьи глаза были ему ответом. — Понятно. Если кратко, то в Токийском округе полно старших школ, сравнимых с Дакисюро по классу, но эти четыре школы считаются самыми-самыми. И по мне, так заслуженно. Например, у них сильнейшие спортивные клубы, не самые, конечно, но в финалах постоянно мелькают. Вы, ребята, кстати, должны помнить Великий похмельный день.

— Это когда вся школа бухала из-за проигрыша баскетбольной команды? — спросил Таку. — Помню, помню.

— Это когда вся школа бухала из-за проигрыша баскетбольной команды? — спросил Таку. — Помню, помню.

— Угум. Еще бы, ты же сам ту пьянку и спровоцировал, — подал голос наш вечный молчун Нориюки.

— Угум. Еще бы, ты же сам ту пьянку и спровоцировал, — подал голос наш вечный молчун Нориюки.

— Клевета! Тогда говорил и сейчас говорю — не под силу подобное одному человеку. В тот раз три четверти школы никакущие были, и парни, и девчонки.

— Клевета! Тогда говорил и сейчас говорю — не под силу подобное одному человеку. В тот раз три четверти школы никакущие были, и парни, и девчонки.

— Все, народ, замяли, дело прошлое. Я к чему это вспомнил: наша команда тогда проиграла именно одной из этих школ. Данашафу, если кто забыл. Кроме спортивных клубов есть и обычные, они тоже постоянно мелькают по телеку. Выставки, различные мероприятия, концерты. Вот, опять же. Помните, пару месяцев назад наш концерт открывала молодая школьная группа? — Щелчок пальцев. — Ширубарири. И так во многом, названия этих четырех школ постоянно на слуху, вы просто внимания не обращаете. А теперь перейдем к главному. Данашафу, Ширубарири, Сейджо и, собственно, Дакисюро. У каждой школы есть своя особенность. У Данашафу — высокие технологии, передовые и экспериментальные методики обучения. У Ширубарири — военная дисциплина. Реально военная, они там даже в туалет, наверное, по расписанию ходят. Сейджо... в общем, религия. А вот в Дакисюро — боевые искусства. Все вы знаете, что боец из меня так себе, кое-что могу, конечно, но... Брат, например, в первый же месяц учебы был пару раз бит. А ведь он к тому времени уже имел ранг Воина. Впрочем, мне тогда было по барабану, и, если б я не встретил Еву, мы бы с вами, ребята, так и не познакомились бы. Когда я отказался идти в Дакисюро, отец впервые назвал меня трусом, — сказал Роко, глядя в потолок. — И даже не предложил пойти в какую-нибудь другую школу из четверки. Но это так, к слову. Если бы за тобой, Синдзи, стоял клан, ну, или род, тогда я тебе и слова не сказал бы, а так будь готов, проверять на прочность тебя будут с самого начала. Паршиво то, что ты дерешься даже хуже меня.

— Все, народ, замяли, дело прошлое. Я к чему это вспомнил: наша команда тогда проиграла именно одной из этих школ. Данашафу, если кто забыл. Кроме спортивных клубов есть и обычные, они тоже постоянно мелькают по телеку. Выставки, различные мероприятия, концерты. Вот, опять же. Помните, пару месяцев назад наш концерт открывала молодая школьная группа? — Щелчок пальцев. — Ширубарири. И так во многом, названия этих четырех школ постоянно на слуху, вы просто внимания не обращаете. А теперь перейдем к главному. Данашафу, Ширубарири, Сейджо и, собственно, Дакисюро. У каждой школы есть своя особенность. У Данашафу — высокие технологии, передовые и экспериментальные методики обучения. У Ширубарири — военная дисциплина. Реально военная, они там даже в туалет, наверное, по расписанию ходят. Сейджо... в общем, религия. А вот в Дакисюро — боевые искусства. Все вы знаете, что боец из меня так себе, кое-что могу, конечно, но... Брат, например, в первый же месяц учебы был пару раз бит. А ведь он к тому времени уже имел ранг Воина. Впрочем, мне тогда было по барабану, и, если б я не встретил Еву, мы бы с вами, ребята, так и не познакомились бы. Когда я отказался идти в Дакисюро, отец впервые назвал меня трусом, — сказал Роко, глядя в потолок. — И даже не предложил пойти в какую-нибудь другую школу из четверки. Но это так, к слову. Если бы за тобой, Синдзи, стоял клан, ну, или род, тогда я тебе и слова не сказал бы, а так будь готов, проверять на прочность тебя будут с самого начала. Паршиво то, что ты дерешься даже хуже меня.

Что ж, все понятно. Он, правда, ничего про меня толком не знает. И, конечно, он не знает про Шину. Хотя все же лучше бы она помалкивала. Кстати...

Что ж, все понятно. Он, правда, ничего про меня толком не знает. И, конечно, он не знает про Шину. Хотя все же лучше бы она помалкивала. Кстати...

— Скажи, Роко, а как получилось, что встреча с Евой повлияла на твой отказ идти в Дакисюро? Она ведь младше тебя. Ты, по-моему, не пропускал учебный год.

— Скажи, Роко, а как получилось, что встреча с Евой повлияла на твой отказ идти в Дакисюро? Она ведь младше тебя. Ты, по-моему, не пропускал учебный год.

— Она училась в смешанной школе. Средняя и старшая школа на одной территории, корпуса только разные.

— Она училась в смешанной школе. Средняя и старшая школа на одной территории, корпуса только разные.

Я просидел с ними еще минут двадцать, когда меня вконец одолело предвкушение. В конце концов, я сюда пришел не для того, чтобы на халяву поесть, это, конечно, тоже можно, но позже. Сначала я все-таки заценю свою покупку, которую доставили сюда еще вчера. Почему не домой, я думаю, все понимают. Конспирация.

Я просидел с ними еще минут двадцать, когда меня вконец одолело предвкушение. В конце концов, я сюда пришел не для того, чтобы на халяву поесть, это, конечно, тоже можно, но позже. Сначала я все-таки заценю свою покупку, которую доставили сюда еще вчера. Почему не домой, я думаю, все понимают. Конспирация.

— Ладно, народ, с вами, несомненно, весело, но есть у меня еще одно дельце. Вы тут долго еще гулять собираетесь?

— Ладно, народ, с вами, несомненно, весело, но есть у меня еще одно дельце. Вы тут долго еще гулять собираетесь?

— Мм, — протянул Роко, оглядывая всю компанию. — Как карта ляжет, но пока уходить не собираемся. Еще пару часов как минимум будем здесь.

— Мм, — протянул Роко, оглядывая всю компанию. — Как карта ляжет, но пока уходить не собираемся. Еще пару часов как минимум будем здесь.

— Ну и отлично. Тогда, как закончу, вернусь к вам.

— Ну и отлично. Тогда, как закончу, вернусь к вам.

— Лады, ждем.

— Лады, ждем.

Встав и потянувшись, направился напрямиком к барной стойке, где суетился Шотган. Хотя как суетился, сейчас он стоял у стойки и спокойно протирал полотенцем идеально чистый стакан.

Встав и потянувшись, направился напрямиком к барной стойке, где суетился Шотган. Хотя как суетился, сейчас он стоял у стойки и спокойно протирал полотенцем идеально чистый стакан.

— Приветствую, Хонда-сан.

— Приветствую, Хонда-сан.

— И тебе не кашлять, — ответил тот на русском. Самого языка он не изучал, он вообще только родной японский и знал, зато запомнил много фраз на различных языках мира, чем и любил блеснуть. — Как первый день в школе?

— И тебе не кашлять, — ответил тот на русском. Самого языка он не изучал, он вообще только родной японский и знал, зато запомнил много фраз на различных языках мира, чем и любил блеснуть. — Как первый день в школе?

— Похоже, все взрослые сегодня задались целью задать мне этот вопрос.

— Похоже, все взрослые сегодня задались целью задать мне этот вопрос.

— Признак заботы, я думаю, — пожал тот в ответ плечами. После чего усмехнулся, поставил стакан рядом с собой и облокотился на стойку. — Ну так как? Что хорошего принес тебе день сегодняшний?

— Признак заботы, я думаю, — пожал тот в ответ плечами. После чего усмехнулся, поставил стакан рядом с собой и облокотился на стойку. — Ну так как? Что хорошего принес тебе день сегодняшний?

— Пока ничего. Но и плохого не было, что не может не радовать. А у вас как? Надеюсь, что как минимум так же.

— Пока ничего. Но и плохого не было, что не может не радовать. А у вас как? Надеюсь, что как минимум так же.

— Хех. День как день, а вот ночь обещает быть прибыльной, — сказал он, бросив взгляд мне за спину.

— Хех. День как день, а вот ночь обещает быть прибыльной, — сказал он, бросив взгляд мне за спину.

— Это да, — ответил я, обернувшись. — Народу сегодня прилично. Как там старик, кстати, не закончил еще возиться со своей приблудой?

— Это да, — ответил я, обернувшись. — Народу сегодня прилично. Как там старик, кстати, не закончил еще возиться со своей приблудой?

— Я в этом ни бум-бум. Может, он уже с чем-нибудь другим возится, я в ваши дела не лезу, сам знаешь. Хотя вчера тебе посылка пришла, так он теперь вокруг нее круги наматывает.

— Я в этом ни бум-бум. Может, он уже с чем-нибудь другим возится, я в ваши дела не лезу, сам знаешь. Хотя вчера тебе посылка пришла, так он теперь вокруг нее круги наматывает.

— Видимо, сопроводительный лист увидел, — усмехнулся я. — С тех пор как он... поселился здесь, совсем на своих электронных игрушках помешался. Надо бы, кстати, посылочку распаковать, а то он там совсем свихнется.

— Видимо, сопроводительный лист увидел, — усмехнулся я. — С тех пор как он... поселился здесь, совсем на своих электронных игрушках помешался. Надо бы, кстати, посылочку распаковать, а то он там совсем свихнется.

— Это вряд ли, он всегда найдет чем голову занять.

— Это вряд ли, он всегда найдет чем голову занять.

— Думаешь? Пойду все-таки навещу его.

— Думаешь? Пойду все-таки навещу его.

Выйдя через неприметную дверь, карточка от которой была только у меня и Хонды, я направился прямо по коридору. Поворот направо, еще одна дверь, за которой холл и две двери, мне налево. Сколько хожу тут, столько сравниваю местные коридоры с лабиринтом. Дойдя наконец до нужного помещения, оглядываюсь. На вид обычная квартира, только окон мало. Дверь, ведущая в мастерскую, находится в следующей комнате, и именно там моя цель, раз здесь я ее даже не слышу. Зайдя в мастерскую, обращаю на себя внимание ее хозяина:

Выйдя через неприметную дверь, карточка от которой была только у меня и Хонды, я направился прямо по коридору. Поворот направо, еще одна дверь, за которой холл и две двери, мне налево. Сколько хожу тут, столько сравниваю местные коридоры с лабиринтом. Дойдя наконец до нужного помещения, оглядываюсь. На вид обычная квартира, только окон мало. Дверь, ведущая в мастерскую, находится в следующей комнате, и именно там моя цель, раз здесь я ее даже не слышу. Зайдя в мастерскую, обращаю на себя внимание ее хозяина:

— Привет, Фантик, как дела у разыскиваемого преступника?

— Привет, Фантик, как дела у разыскиваемого преступника?

Обернувшись на голос, старик нахмурился:

Обернувшись на голос, старик нахмурился:

— Я за вчерашний день успел достать всю свободную и кое-какую закрытую информацию на твой заказ, а ты явился только сейчас. Да у меня уже волосы из бороды выпадают от любопытства.

— Я за вчерашний день успел достать всю свободную и кое-какую закрытую информацию на твой заказ, а ты явился только сейчас. Да у меня уже волосы из бороды выпадают от любопытства.

— Это говорит только о том, что у меня немного больше терпения, чем у тебя.

— Это говорит только о том, что у меня немного больше терпения, чем у тебя.

— Давай уже распаковывай, хочу глянуть на этот мешок с микросхемами, — махнул он рукой мне за спину.

— Давай уже распаковывай, хочу глянуть на этот мешок с микросхемами, — махнул он рукой мне за спину.

Я подошел к контейнеру, стоящему возле одного из верстаков.

Я подошел к контейнеру, стоящему возле одного из верстаков.

— Здесь только один?

— Здесь только один?

— Да. Остальное на складе, — ухмыльнувшись, дополнил: — Среди овощей и фруктов.

— Да. Остальное на складе, — ухмыльнувшись, дополнил: — Среди овощей и фруктов.

— Ясенько. А что так далеко? Кто вообще посылку принимал?

— Ясенько. А что так далеко? Кто вообще посылку принимал?

— Хонда.

— Хонда.

— М-дя, мой косяк, не предупредил. — Я почесал нос. — Да и ладно. Надо бы где-нибудь базу себе оборудовать, с полигоном и тиром. А то это здание малопригодно для подобных вещей.

— М-дя, мой косяк, не предупредил. — Я почесал нос. — Да и ладно. Надо бы где-нибудь базу себе оборудовать, с полигоном и тиром. А то это здание малопригодно для подобных вещей.

— С полигоном? Флаг тебе в руки. Мне даже интересно, где ты столько земли возьмешь.

— С полигоном? Флаг тебе в руки. Мне даже интересно, где ты столько земли возьмешь.

— За городом, Фантик, за городом.

— За городом, Фантик, за городом.

— А деньги на аренду? А на постройку того, чем ты будешь маскировать то, что собираешься построить?

— А деньги на аренду? А на постройку того, чем ты будешь маскировать то, что собираешься построить?

Интересный вопрос. Не про деньги, а про все остальное.

Интересный вопрос. Не про деньги, а про все остальное.

— Ну так я не прямо сейчас собираюсь этим заниматься.

— Ну так я не прямо сейчас собираюсь этим заниматься.

Контейнер представлял собой пластиковый квадратный ящик полметра на полметра. Сорвав пломбу, я наконец смог увидеть свою покупку — КПЗ/7-Зп. Комбинезон пилотов мобильных доспехов, третье поколение, седьмой вариант. Матово-черная негорючая ткань с тридцатипроцентным содержанием кевлара. Два слоя, между которыми нанозащита, так называемая жидкая броня. Неподвижные части тела укреплены кевларовыми пластинами. Автодоктор. Искусственные мышцы усиливают пилота в три раза. В целом имеет третий рейтинг защиты по российским императорским стандартам, именно из Российской империи костюмчик и прилетел. Чтоб было понятно, может выдержать обойму «калаша» в упор. Не в одну точку, конечно.

Контейнер представлял собой пластиковый квадратный ящик полметра на полметра. Сорвав пломбу, я наконец смог увидеть свою покупку — КПЗ/7-Зп. Комбинезон пилотов мобильных доспехов, третье поколение, седьмой вариант. Матово-черная негорючая ткань с тридцатипроцентным содержанием кевлара. Два слоя, между которыми нанозащита, так

называемая жидкая броня. Неподвижные части тела укреплены кевларовыми пластинами. Автодоктор. Искусственные мышцы усиливают пилота в три раза. В целом имеет третий рейтинг защиты по российским императорским стандартам, именно из Российской империи костюмчик и прилетел. Чтоб было понятно, может выдержать обойму «калаша» в упор. Не в одну точку, конечно.

Переодевшись прямо там, в мастерской, сделал пару приседаний, провел двойку, сел на шпагат, из этого положения встал на руки и, сделав мостик, оказался вновь на ногах.

Переодевшись прямо там, в мастерской, сделал пару приседаний, провел двойку, сел на шпагат, из этого положения встал на руки и, сделав мостик, оказался вновь на ногах.

— Неплохо, движений совершенно не стесняет, — глянув на руки, сжал их пару раз в кулак. — Правда, для моей... ночной работы перчатки грубоваты.

— Неплохо, движений совершенно не стесняет, — глянув на руки, сжал их пару раз в кулак. — Правда, для моей... ночной работы перчатки грубоваты.

— Они легко снимаются, если что.

— Они легко снимаются, если что.

— Это да, — согласился я, магниты и липучки, что может быть проще. — Ладно, давай-ка теперь заценим шлем.

— Это да, — согласился я, магниты и липучки, что может быть проще. — Ладно, давай-ка теперь заценим шлем.

Такой же матово-черный, как и комбинезон, с наполнителем из неизвестно чего, дающим возможность комфортно носить шлем людям с разным размером головы. Оснащен тактико-аналитическим модулем, позволяющим отмечать и вести до ста пятидесяти целей. Камеры имеют двенадцатикратный зум и узконаправленный микрофон, благодаря которому можно слышать, отсекая посторонние шумы, разговор людей на расстоянии около шестисот метров. Немалый оптический диапазон — рентген, инфракрасное зрение, террагерцевое и так далее. Само собой, защита и надежность: от пули в лоб ни мне, ни электронной начинке ничего не будет. Про контроль комбинезона и, соответственно, организма пилота, наверное, вы и так догадались — автодок и все такое. Ах да, стоит упомянуть, что шлем работает с электроэнцефалографией мозга, то есть управление мысленное.

Такой же матово-черный, как и комбинезон, с наполнителем из неизвестно чего, дающим возможность комфортно носить шлем людям с разным размером головы. Оснащен тактико-аналитическим модулем, позволяющим отмечать и вести до ста пятидесяти целей. Камеры имеют двенадцатикратный зум и узконаправленный микрофон, благодаря которому можно слышать, отсекая посторонние шумы, разговор людей на расстоянии около шестисот метров. Немалый оптический диапазон — рентген, инфракрасное зрение, террагерцевое и так далее. Само собой, защита и надежность: от пули в лоб ни мне, ни электронной начинке ничего не будет. Про контроль комбинезона и, соответственно, организма пилота, наверное, вы и так догадались — автодок и все такое. Ах да, стоит упомянуть, что шлем работает с электроэнцефалографией мозга, то есть управление мысленное.

— Неплохо, — сказал я, проиграв с настройками, — весьма и весьма.

— Неплохо, — сказал я, проиграв с настройками, — весьма и весьма.

— Поразительно, — заметил Фантик. — Где, интересно, Наката-сан умудрилась достать столько военных комбезов такого размера?

— Поразительно, — заметил Фантик. — Где, интересно, Наката-сан умудрилась достать столько военных комбезов такого размера?

— Что?

— Что?

— Размер. Где она нашла такие мелкие комбинезоны?

— Размер. Где она нашла такие мелкие комбинезоны?

— Я тебя сейчас урою.

— Я тебя сейчас урою.

— Ты подрасти сначала.

— Ты подрасти сначала.

— Конец тебе.

— Конец тебе.

— Да ладно, ладно. Я серьезно спрашиваю. Ты же не будешь спорить, что ты небольшого роста?

— Да ладно, ладно. Я серьезно спрашиваю. Ты же не будешь спорить, что ты небольшого роста?

— Я, во-первых, всего лишь чуть ниже стандарта для своего возраста. А во-вторых, я еще расту.

— Я, во-первых, всего лишь чуть ниже стандарта для своего возраста. А во-вторых, я еще расту.

— А еще ты японец, который, как и все мы, в среднем ниже русского, откуда и прилетели эти костюмчики.

— А еще ты японец, который, как и все мы, в среднем ниже русского, откуда и прилетели эти костюмчики.

Ладно, будем считать, что он отмазался.

Ладно, будем считать, что он отмазался.

— Это военная разработка, а значит, штука универсальная, подстраивающаяся под размер пилота. Плюс не забывай, что в пилоты мобильных доспехов не берут гигантов. Не то чтобы все пилоты МД мелкие, но это предпочтительно.

— Это военная разработка, а значит, штука универсальная, подстраивающаяся под размер пилота. Плюс не забывай, что в пилоты мобильных доспехов не берут гигантов. Не то чтобы все пилоты МД мелкие, но это предпочтительно.

— А как же...

— А как же...

— Пехотные МД — отдельный разговор. Пойдем лучше в тренировочный зал, хоть манекены попинаю. — Хотя какие это манекены, макивары обыкновенные в виде человеческого силуэта.

— Пехотные МД — отдельный разговор. Пойдем лучше в тренировочный зал, хоть манекены попинаю. — Хотя какие это манекены, макивары обыкновенные в виде человеческого силуэта.

На полпути в зал Фантик отошел куда-то в сторону кухни, а я спустился в небольшой подвальчик, которых в этом здании целых семь. Не знаю, зачем для этого надо выведывать, что здесь было изначально, а мне это влом, да и ни к чему.

На полпути в зал Фантик отошел куда-то в сторону кухни, а я спустился в небольшой подвальчик, которых в этом здании целых семь. Не знаю, зачем для этого надо выведывать, что здесь было изначально, а мне это влом, да и ни к чему.

Тренировочный зал представлял собой небольшое помещение десять на пятнадцать метров. Пол зала покрывали татами, стены были выкрашены в зеленый цвет. Освещали зал длинные лампы дневного света. По четырем углам помещения стояли макивары, привинченные к полу и обложенные татами. Так что было похоже, что они растут из пола. По два косых отростка сверху придавали им силуэт человека, а нарисованные на условной голове желтым маркером карикатурные лица — комичный вид.

Тренировочный зал представлял собой небольшое помещение десять на пятнадцать метров. Пол зала покрывали татами, стены были выкрашены в зеленый цвет. Освещали зал длинные лампы дневного света. По четырем углам помещения стояли макивары, привинченные к полу и обложенные татами. Так что было похоже, что они растут из пола. По два косых отростка сверху придавали им силуэт человека, а нарисованные на условной голове желтым маркером карикатурные лица — комичный вид.

Подойдя к правой от меня макиваре, обозначил джеб, после чего резко нанес хук в верхнюю часть. Двойка в корпус, хук с правой, с левой, коленом в центр, лоу-кик в нижнюю правую часть, хук слева и в качестве завершающего — прямой удар ноги в центр.

Подойдя к правой от меня макиваре, обозначил джеб, после чего резко нанес хук в верхнюю часть. Двойка в корпус, хук с правой, с левой, коленом в центр, лоу-кик в нижнюю правую часть, хук слева и в качестве завершающего — прямой удар ноги в центр.

Подойдя к объекту избиения, проверил результат. Сама макивара испытание выдержала, чай не из дерева, а вот крепления сдают — псевдочеловечек явно шатается. Чистая физика и ничего более, в этом зале я вообще никогда не использую свои возможности, иначе устал бы здесь убираться и макивары к полу крепить.

Подойдя к объекту избиения, проверил результат. Сама макивара испытание выдержала, чай не из дерева, а вот крепления сдают — псевдочеловечек явно шатается. Чистая физика и ничего более, в этом зале я вообще никогда не использую свои возможности, иначе устал бы здесь убираться и макивары к полу крепить.

— Отличное снаряжение для легкой пехоты, хотя, пожалуй, даже чрезмерно отличное, учитывая его цену, — сказал я, находясь спиной к подошедшему старику. — А вот для меня сила комбинезона избыточна. Надо бы произвести тест... — начал я, оборачиваясь, но увидел

то, что было в руках у Фантика, и умолк. — Ну и хитрый ты все же, старик.

— Отличное снаряжение для легкой пехоты, хотя, пожалуй, даже чрезмерно отличное, учитывая его цену, — сказал я, находясь спиной к подошедшему старику. — А вот для меня сила комбинезона избыточна. Надо бы произвести тест... — начал я, оборачиваясь, но увидел то, что было в руках у Фантика, и умолк. — Ну и хитрый ты все же, старик.

— Я еще сегодня утром, когда просматривал бумаги на это чудо, обратил внимание на усилители мышц. Ладно если бы здесь стояли псевдомышцы, их хоть регулировать можно или отключить, а так... В чем смысл-то вообще?

— Я еще сегодня утром, когда просматривал бумаги на это чудо, обратил внимание на усилители мышц. Ладно если бы здесь стояли псевдомышцы, их хоть регулировать можно или отключить, а так... В чем смысл-то вообще?

— В четкости. Если в боевом роботе условно дергаешь за рычаги, то в мобильном доспехе управляешь конечностями напрямую. Как рукой поведешь, так доспех и отреагирует. А управление там, кстати, насколько я знаю, тугое. Так что без усилителей трудновато, хотя я за этим не слежу особо, может, и исправили уже. Впрочем, о чем я, на мне доказательство обратного, — закончил я. — Ты что, все яйца из холодильника забрал?

— В четкости. Если в боевом роботе условно дергаешь за рычаги, то в мобильном доспехе управляешь конечностями напрямую. Как рукой поведешь, так доспех и отреагирует. А управление там, кстати, насколько я знаю, тугое. Так что без усилителей трудновато, хотя я за этим не слежу особо, может, и исправили уже. Впрочем, о чем я, на мне доказательство обратного, — закончил я. — Ты что, все яйца из холодильника забрал?

— А чего уж мелочиться. Все равно потом за тобой убирать.

— А чего уж мелочиться. Все равно потом за тобой убирать.

— Вот нахал, это когда же ты за мной в спортзале убирал? — усмехнулся я.

— Вот нахал, это когда же ты за мной в спортзале убирал? — усмехнулся я.

— А ты что, прямо здесь собрался их бить?

— А ты что, прямо здесь собрался их бить?

— Эм... — огляделся я, — ты, пожалуй, прав, пойдем выйдем.

— Эм... — огляделся я, — ты, пожалуй, прав, пойдем выйдем.

Далеко ходить не стали, прямо в коридоре и остановились.

Далеко ходить не стали, прямо в коридоре и остановились.

— Может, получше местечко найдем, пленку, в конце концов, постелим?

— Может, получше местечко найдем, пленку, в конце концов, постелим?

— И на фига тогда я эти яйца сюда тащил?

— И на фига тогда я эти яйца сюда тащил?

— Не знаю, — честно ответил я. — Наверное, тебе нравится.

— Не знаю, — честно ответил я. — Наверное, тебе нравится.

— Гаденыш мелкий.

— Гаденыш мелкий.

— Я подросток, мне можно быть мелким.

— Я подросток, мне можно быть мелким.

— Пошли уж, подросток, в мастерской есть пленка. Да и до душа недалеко.

— Пошли уж, подросток, в мастерской есть пленка. Да и до душа недалеко.

— До душа?

— До душа?

— А как я, по-твоему, этим костюмом заниматься потом буду, его ж мыть после всего придется.

— А как я, по-твоему, этим костюмом заниматься потом буду, его ж мыть после всего придется.

— Как низко ты меня ценишь. А вдруг не придется?

— Как низко ты меня ценишь. А вдруг не придется?

— И что, пленка-то все равно нужна.

— И что, пленка-то все равно нужна.

Когда мы закончили, я понял, что не все так плохо, как казалось вначале. Из восемнадцати яиц я разбил десять. И это при том, что в меня ими кидались. Так что адаптация должна пройти достаточно быстро, главное — уделять этому время, которого из-за школьных клубов у меня и так стало меньше. Ох уж это время...

Когда мы закончили, я понял, что не все так плохо, как казалось вначале. Из восемнадцати яиц я разбил десять. И это при том, что в меня ими кидались. Так что адаптация должна пройти достаточно быстро, главное — уделять этому время, которого из-за школьных клубов у меня и так стало меньше. Ох уж это время...

Удовлетворив, наконец, свое любопытство, не переодеваясь, пошел в душ. Мне, в конце концов, тоже охота ополоснуться, заодно и этот девайс почищу.

Удовлетворив, наконец, свое любопытство, не переодеваясь, пошел в душ. Мне, в конце концов, тоже охота ополоснуться, заодно и этот девайс почищу.

После душа пошел обратно в мастерскую, где и потерял быстро выхваченный из рук комбез. Похоже, старику не терпится разобрать этот продукт русского военпрома.

После душа пошел обратно в мастерскую, где и потерял быстро выхваченный из рук комбез. Похоже, старику не терпится разобрать этот продукт русского военпрома.

— Ты там поаккуратней, будет обидно, если не сможешь собрать все обратно.

— Ты там поаккуратней, будет обидно, если не сможешь собрать все обратно.

— Буду, буду, не беспокойся. Я трезво оцениваю свои возможности и за этот костюм ручаюсь. Все-таки я скорее инженер, чем электронщик, и глубоко лезть не собираюсь, — ответил он, не отворачиваясь от своего стола и моего приобретения. — И главное, что ты кипешуешь, у тебя их еще пятьдесят штук на складе. Зачем столько, кстати?

— Буду, буду, не беспокойся. Я трезво оцениваю свои возможности и за этот костюм ручаюсь. Все-таки я скорее инженер, чем электронщик, и глубоко лезть не собираюсь, — ответил он, не отворачиваясь от своего стола и моего приобретения. — И главное, что ты кипешуешь, у тебя их еще пятьдесят штук на складе. Зачем столько, кстати?

— Начнем с того, что я не кипешую, я просто одергиваю твое чрезмерное любопытство. А купил столько, потому что вещь редкая, не использую, так перепродам. Было б больше свободных денег, купил бы еще несколько штук, в хозяйстве не помешают. Денег жаль, конечно, но их я еще заработаю, а вот с костюмчиками могу в будущем пролететь. Я и так в последний момент успел, там из тысячи штук сотня от силы осталась, и это за неделю продаж. Вечная слава Акеми. Пришлось, правда, пять штук ей оплатить, но это ерунда.

— Начнем с того, что я не кипешую, я просто одергиваю твое чрезмерное любопытство. А купил столько, потому что вещь редкая, не использую, так перепродам. Было б больше свободных денег, купил бы еще несколько штук, в хозяйстве не помешают. Денег жаль, конечно, но их я еще заработаю, а вот с костюмчиками могу в будущем пролететь. Я и так в последний момент успел, там из тысячи штук сотня от силы осталась, и это за неделю продаж. Вечная слава Акеми. Пришлось, правда, пять штук ей оплатить, но это ерунда.

— Понятно... понятно все... — бормотал Фантик. Он, похоже, всю мою речь мимо ушей пропустил. — И что у них за цена?

— Понятно... понятно все... — бормотал Фантик. Он, похоже, всю мою речь мимо ушей пропустил. — И что у них за цена?

— Миллион сто тысяч.

— Миллион сто тысяч.

— Чего? — похоже, старика проняло. — Миллион сто чего?.. — переспросил он, обернувшись.

— Чего? — похоже, старика проняло. — Миллион сто чего?.. — переспросил он, обернувшись.

— Рублей, само собой. Не йен же. — Стоит, наверное, предупредить, что рубли в этом мире такая же международная валюта, как и доллары в моем. В этом мире рулят российский рубль, американский доллар и индийская рупия. Йена к этим трем валютам оценивается примерно один к десяти. В смысле одна йена — десять копеек.

— Рублей, само собой. Не йен же. — Стоит, наверное, предупредить, что рубли в этом мире такая же международная валюта, как и доллары в моем. В этом мире рулят российский рубль, американский доллар и индийская рупия. Йена к этим трем валютам оценивается примерно один к десяти. В смысле одна йена — десять копеек.

— Ни фиги себе! — покосился тот на свой стол. — Что ж ты раньше не сказал?

— Ни фиги себе! — покосился тот на свой стол. — Что ж ты раньше не сказал?

— А тебя это сейчас остановит?

— А тебя это сейчас остановит?

— Нет, ты прав. Разве что твой запрет, — сказал этот... инженер и замер, смотря на меня.

— Нет, ты прав. Разве что твой запрет, — сказал этот... инженер и замер, смотря на меня.

— Чего глядишь, — развел я руками, — не нагяделся еще?

— Чего глядишь, — развел я руками, — не нагяделся еще?

Хмыкнув, тот повернулся обратно к своему столу, буркнув уже спиной ко мне:

Хмыкнув, тот повернулся обратно к своему столу, буркнув уже спиной ко мне:

— Жадность — это не про тебя, да?

— Жадность — это не про тебя, да?

— Ну не скажи. У меня до сих пор сердце кровью обливается, как вспомню те деньги, что ушли, — помотал я головой из стороны в сторону, хотя единственный человек, кроме меня, в этой комнате стоял ко мне спиной. — Поверь мне на слово, у меня много отрицательных черт, и жадность там присутствует.

— Ну не скажи. У меня до сих пор сердце кровью обливается, как вспомню те деньги, что ушли, — помотал я головой из стороны в сторону, хотя единственный человек, кроме меня, в этой комнате стоял ко мне спиной. — Поверь мне на слово, у меня много отрицательных черт, и жадность там присутствует.

— Как скажешь, Синдзи, как скажешь.

— Как скажешь, Синдзи, как скажешь.

— Ладно, пойду, пожалуй, — решил я, глянув на часы. — Еще даже с ребятами посидеть успею.

— Ладно, пойду, пожалуй, — решил я, глянув на часы. — Еще даже с ребятами посидеть успею.

Уже у дверей в зал меня догнала эсэмэска, глянув на которую я чуть не сплюнул. Хонда сообщил мне, что Наката Акеми у себя в VIP-комнате и что она хочет со мной поговорить. Господи, когда же этот день закончится?

Уже у дверей в зал меня догнала эсэмэска, глянув на которую я чуть не сплюнул. Хонда сообщил мне, что Наката Акеми у себя в VIP-комнате и что она хочет со мной поговорить. Господи, когда же этот день закончится?

Выйдя в зал и кивнув Шотгану, направился к VIP-комнатам, которых в этом клубе было всего шесть. По дороге встретился взглядом с Роко и виновато пожал плечами. Я и вправду был не прочь посидеть с ними, в конце концов, не так уж и часто мы с ними зависали. Получив в ответ понимающий кивок, продолжил путь к заветной двери, ведущей в коридор с комнатами, в одной из которых находилась Акеми. Интересно, что ей такого понадобилось, что она приперлась сюда на ночь глядя, не предупредив меня заранее? Будь ее дело срочное, она

связалась бы со мной сама и сразу, дабы я отсюда не срулил. Ну а если бы было что-то серьезное, встречались бы мы не здесь. Так что заходил я к Акеми с уверенностью, что услышу предложение о работе. Прибыльной — ибо за другую я уже давно не брался, не срочной — ну тут все понятно, и, вполне возможно, интересной — потому что именно сегодня должна была состояться ежегодная встреча глав Гарагарахэби, и, судя по времени, она приехала в «Ласточку» напрямик оттуда.

Выйдя в зал и кивнув Шотгану, направился к VIP-комнатам, которых в этом клубе было всего шесть. По дороге встретился взглядом с Роко и виновато пожал плечами. Я и вправду был не прочь посидеть с ними, в конце концов, не так уж и часто мы с ними зависали. Получив в ответ понимающий кивок, продолжил путь к заветной двери, ведущей в коридор с комнатами, в одной из которых находилась Акеми. Интересно, что ей такого понадобилось, что она приперлась сюда на ночь глядя, не предупредив меня заранее? Будь ее дело срочное, она связалась бы со мной сама и сразу, дабы я отсюда не срулил. Ну а если бы было что-то серьезное, встречались бы мы не здесь. Так что заходил я к Акеми с уверенностью, что услышу предложение о работе. Прибыльной — ибо за другую я уже давно не брался, не срочной — ну тут все понятно, и, вполне возможно, интересной — потому что именно сегодня должна была состояться ежегодная встреча глав Гарагарахэби, и, судя по времени, она приехала в «Ласточку» напрямик оттуда.

— Привет всем, — произнес я, заходя в комнату.

— Привет всем, — произнес я, заходя в комнату.

Акеми сидела, развалившись на длинном диване, Исиатама стоял у бара, занимаясь спиртным, Дзуно склонился над столом, внимательно разглядывая кучу, по-другому не скажешь, снеди. А Ли тыкал в кнопки музыкального центра, который был вмонтирован в левую от двери стену.

Акеми сидела, развалившись на длинном диване, Исиатама стоял у бара, занимаясь спиртным, Дзуно склонился над столом, внимательно разглядывая кучу, по-другому не скажешь, снеди. А Ли тыкал в кнопки музыкального центра, который был вмонтирован в левую от двери стену.

— И тебя туда же, — расслабленно махнула рукой Акеми.

— И тебя туда же, — расслабленно махнула рукой Акеми.

— Привет, Син, — пробасил Исиатама. Дзуно и Ли просто кивнули.

— Привет, Син, — пробасил Исиатама. Дзуно и Ли просто кивнули.

— А грызун что, опять в машине сидит? Злые вы. — Похоже, этот ходячий косяк опять что-то натворил.

— А грызун что, опять в машине сидит? Злые вы. — Похоже, этот ходячий косяк опять что-то натворил.

— Ничего-ничего, ему полезно, — удовлетворенно ответила Акеми.

— Ничего-ничего, ему полезно, — удовлетворенно ответила Акеми.

Ну как я, собственно, и думал.

Ну как я, собственно, и думал.

— Что на этот раз? — спросил я, присаживаясь напротив женщины на такой же полукруглый диван, на каком сидела она сама.

— Что на этот раз? — спросил я, присаживаясь напротив женщины на такой же полукруглый диван, на каком сидела она сама.

— О-о-о... Если в двух словах, то он умудрился покорежить мою машину. — Странно, водила Мышь знатный. Как это он так, интересно. — Но вся соль в том, что сделал он это с помощью тела одного из бедолаг, который, как и он сам, ждал своего босса. Причем машина стояла в центре стоянки, посреди множества других. И этот кусок идиота умудрился, запустив мужика с края площадки, попасть именно в мою машину! Из десятков других! — возмущенно надув щеки и скрестив на груди руки, выдала Акеми.

— О-о-о... Если в двух словах, то он умудрился покорежить мою машину. — Странно, водила Мышь знатный. Как это он так, интересно. — Но вся соль в том, что сделал он это с помощью тела одного из бедолаг, который, как и он сам, ждал своего босса. Причем машина стояла в центре стоянки, посреди множества других. И этот кусок идиота умудрился, запустив мужика с края площадки, попасть именно в мою машину! Из десятков других! — возмущенно надув щеки и скрестив на груди руки, выдала Акеми.

— Мм... Э-э-э... — А что тут еще-то скажешь. — Хорошо, что он твой подчиненный, у меня не настолько крепкие нервы.

— Мм... Э-э-э... — А что тут еще-то скажешь. — Хорошо, что он твой подчиненный, у меня не настолько крепкие нервы.

— Пфф, — сдулась женщина и как-то погрузнела. — Зато он всегда выживает. Да и фиг бы с этим вредителем, лучше расскажи, как у тебя первый день в новой школе.

— Пфф, — сдулась женщина и как-то погрузнела. — Зато он всегда выживает. Да и фиг бы с этим вредителем, лучше расскажи, как у тебя первый день в новой школе.

— Вот сдался вам всем этот первый день, — покачал я головой. — День как день, как и все предыдущие.

— Вот сдался вам всем этот первый день, — покачал я головой. — День как день, как и все предыдущие.

— Но...

— Но...

— Да лень мне говорить о том, что ничего собой не представляет. И давай замнем, лучше расскажи, что сегодня интересного было на собрании.

— Да лень мне говорить о том, что ничего собой не представляет. И давай замнем, лучше расскажи, что сегодня интересного было на собрании.

Ежегодно шестого апреля Гарагарахеби устраивает сабантуйчик, на который приглашаются все, кто хоть что-то собой представляет в этой организации. Оформлено все это как званый обед, на котором запрещены всяческие конфликты. И само собой, цель этих собраний — отнюдь не вкусно покушать.

Ежегодно шестого апреля Гарагарахеби устраивает сабантуйчик, на который приглашаются все, кто хоть что-то собой представляет в этой организации. Оформлено все это как званый обед, на котором запрещены всяческие конфликты. И само собой, цель этих собраний — отнюдь не вкусно покушать.

— Весьма интересно, как это ни странно. Интересно и... тревожно, пожалуй. Для тебя в первую очередь.

— Весьма интересно, как это ни странно. Интересно и... тревожно, пожалуй. Для тебя в первую очередь.

— Молодая красивая девушка, хочу напомнить, что сейчас ночь на дворе, и этот день я провел отнюдь не в приятном ничегонеделании. Я устал и хочу спать, Акеми, так что давай без этих многозначительных пауз.

— Молодая красивая девушка, хочу напомнить, что сейчас ночь на дворе, и этот день я провел отнюдь не в приятном ничегонеделании. Я устал и хочу спать, Акеми, так что давай без этих многозначительных пауз.

— Ты злобный, вредный и занудный тип, Синдзи, но начну я все же несколько издалека, — спокойным голосом ответила мне эта чертовка. — Для начала позволь уточнить твои способности. Перво-наперво — это молния. — Скорей электричество, но да, есть у меня такая фишка. — Выпускать ее с рук ты не умеешь, но хорошенько вдарить через касание очень даже можешь.

— Ты злобный, вредный и занудный тип, Синдзи, но начну я все же несколько издалека, — спокойным голосом ответила мне эта чертовка. — Для начала позволь уточнить твои способности. Перво-наперво — это молния. — Скорей электричество, но да, есть у меня такая фишка. — Выпускать ее с рук ты не умеешь, но хорошенько вдарить через касание очень даже можешь.

Устаревшие факты, женщина, года на два устаревшие.

Устаревшие факты, женщина, года на два устаревшие.

— Дальше у нас идут — скорость и реакция. И то и другое — на уровне Ветерана.

— Дальше у нас идут — скорость и реакция. И то и другое — на уровне Ветерана.

Одна-единственная стычка с Мастером, о которой ты знаешь только то, что мне удалось от него убежать, говорит о том, что и скорость, и реакция у меня... несколько выше.

Одна-единственная стычка с Мастером, о которой ты знаешь только то, что мне удалось от него убежать, говорит о том, что и скорость, и реакция у меня... несколько выше.

— Мм... сила? Да, пожалуй. Кирпичную стену ты голыми руками пробьешь.

— Мм... сила? Да, пожалуй. Кирпичную стену ты голыми руками пробьешь.

Как же низко она меня ценит.

Как же низко она меня ценит.

— Магнетизм — я пару раз видела, как ты притягивал к себе столовые приборы.

— Магнетизм — я пару раз видела, как ты притягивал к себе столовые приборы.

Когда я узнал, что в этом мире подобное возможно, то позволил себе пару демонстраций. С моей стороны это был легкий намек на адептов либо молнии, либо магнетизма, чтобы у нее было поменьше вопросов. И да, с металлом проще всего, однако работать я могу с любым неживым материалом.

Когда я узнал, что в этом мире подобное возможно, то позволил себе пару демонстраций. С моей стороны это был легкий намек на адептов либо молнии, либо магнетизма, чтобы у нее было поменьше вопросов. И да, с металлом проще всего, однако работать я могу с любым неживым материалом.

— Ты как-то обмолвился, что на тебя практически не действуют яды, так что и это кинем в копилку.

— Ты как-то обмолвился, что на тебя практически не действуют яды, так что и это кинем в копилку.

А вот это был намек сразу на три стихии — жизнь, земля и молния. Почему именно так, я не знаю. Добавлю лишь, что адепты воды тоже защищены от ядов, но в меньшей степени.

А вот это был намек сразу на три стихии — жизнь, земля и молния. Почему именно так, я не знаю. Добавлю лишь, что адепты воды тоже защищены от ядов, но в меньшей степени.

— Есть и еще по мелочи, но так или иначе все указывает на то, что ты адепт молнии, примерно в ранге Воина.

— Есть и еще по мелочи, но так или иначе все указывает на то, что ты адепт молнии, примерно в ранге Воина.

Я был спокоен, зря я, что ли, наводил ее на подобные выводы. Проблема в другом. Я боялся, что успел засветиться с чем-нибудь другим еще до того, как начал проводить свою пиар-кампанию в пользу молнии. Но, судя по всему, у меня все получилось.

Я был спокоен, зря я, что ли, наводил ее на подобные выводы. Проблема в другом. Я боялся, что успел засветиться с чем-нибудь другим еще до того, как начал проводить свою пиар-кампанию в пользу молнии. Но, судя по всему, у меня все получилось.

— А вот дальше гораздо интересней. — Вот всегда так, уж накаркаю, так накаркаю. — Для начала упомяну твою способность чувствовать взгляды. Многие люди способны на это, но ты — это нечто. Я пять лет за тобой наблюдаю и могу с уверенностью сказать, что у тебя эта способность на каком-то запредельном уровне.

— А вот дальше гораздо интересней. — Вот всегда так, уж накаркаю, так накаркаю. — Для начала упомяну твою способность чувствовать взгляды. Многие люди способны на это, но ты — это нечто. Я пять лет за тобой наблюдаю и могу с уверенностью сказать, что у тебя эта способность на каком-то запредельном уровне.

Вот же... наблюдательная киса.

Вот же... наблюдательная киса.

— Дальше у нас идет «яки». — «Жажда убийства»? Это-то тут при чем? Выпускать «яки»

многие умеют, собственно, я еще не встречал никого с уровнем Ветеран и выше, кто не был бы на такое способен. Даже Шина — тепличная девочка, вполне умело этим пользуется. — Само по себе «яки» не удивительно, как и умение чувствовать взгляд, этой способностью обладают многие, но вот в твоём случае все опять не как у людей...

— Дальше у нас идет «яки». — «Жажда убийства»? Это-то тут при чем? Выпускать «яки» многие умеют, собственно, я еще не встречал никого с уровнем Ветеран и выше, кто не был бы на такое способен. Даже Шина — тепличная девочка, вполне умело этим пользуется. — Само по себе «яки» не удивительно, как и умение чувствовать взгляд, этой способностью обладают многие, но вот в твоём случае все опять не как у людей...

— Время идет, девушка, хорош уже эти паузы вставлять, — выдал я, заработав тем самым обиженный взгляд.

— Время идет, девушка, хорош уже эти паузы вставлять, — выдал я, заработав тем самым обиженный взгляд.

— Я ведь и домой могу пойти. Думаешь, мне так нравится перед тобой распинаться?

— Я ведь и домой могу пойти. Думаешь, мне так нравится перед тобой распинаться?

Именно так я и думаю.

Именно так я и думаю.

— Ладно, ладно, молчу, — поднял я руки вверх.

— Ладно, ладно, молчу, — поднял я руки вверх.

— Так вот, «яки»... Оно у тебя ну очень сильно. Думаю, тебе вполне по силам остановить сердце даже взрослому человеку, не говоря уже о животных и детях. С тренированным бойцом у тебя вряд ли подобное выйдет, но вот мешать и сбивать в бою будет здорово. Вплоть до ранга Ветеран. Выше усилие уже не оправдывает результат. Чтоб ты понял, самое сильное «яки», о котором я знаю, раз в десять слабее того, что можешь выдать ты. Причем именно «жажда убийства» у тебя самое большое палево, порой от тебя такая жуть прет, что просто амба, а ты этого, по-моему, даже не замечаешь.

— Так вот, «яки»... Оно у тебя ну очень сильно. Думаю, тебе вполне по силам остановить сердце даже взрослому человеку, не говоря уже о животных и детях. С тренированным бойцом у тебя вряд ли подобное выйдет, но вот мешать и сбивать в бою будет здорово. Вплоть до ранга Ветеран. Выше усилие уже не оправдывает результат. Чтоб ты понял, самое сильное «яки», о котором я знаю, раз в десять слабее того, что можешь выдать ты. Причем именно «жажда убийства» у тебя самое большое палево, порой от тебя такая жуть прет, что просто амба, а ты этого, по-моему, даже не замечаешь.

Черт, прям хоть лекцию ей читай. Ну не зависит умение сопротивляться «яки» от ранга. Тут все дело в банальной силе воле, Шину я вполне могу на тот свет отправить, а ведь она Учитель. А вот насчет того, что я что-то не замечаю, это новость. Весьма и весьма неприятная.

Черт, прям хоть лекцию ей читай. Ну не зависит умение сопротивляться «яки» от ранга. Тут все дело в банальной силе воле, Шину я вполне могу на тот свет отправить, а ведь она Учитель. А вот насчет того, что я что-то не замечаю, это новость. Весьма и весьма неприятная.

— Что там у нас дальше? Ах да... не знаю даже, как это назвать. «Контроль пространства»? «Обнаружение жизни»? Или лучше «круговой обзор»? В общем, не знаю. Существуют, конечно, аналоги, но это именно техники, чаще всего узконаправленные. У тебя же это умение, постоянно действующее. Да и расстояние... Полтора года назад, в той безымянной деревушке, я даже вычислила примерное расстояние, на которое ты можешь... «видеть». Как сейчас помню твои тогдашние слова. — Тут она улыбнулась, закрыв глаза и приподняв голову: — «Юго-запад. Пятеро. Триста метров. Быстро приближаются в нашу сторону». Учитывая, что напрягся ты еще раньше, то почувал ты их метров за пятьсот. Нереальное расстояние для постоянного умения. Я бы на твоём месте, наверное, свихнулась.

— Что там у нас дальше? Ах да... не знаю даже, как это назвать. «Контроль пространства»? «Обнаружение жизни»? Или лучше «круговой обзор»? В общем, не знаю. Существуют, конечно, аналоги, но это именно техники, чаще всего узконаправленные. У тебя же это умение, постоянно действующее. Да и расстояние... Полтора года назад, в той безымянной деревушке, я даже вычислила примерное расстояние, на которое ты можешь... «видеть». Как сейчас помню твои тогдашние слова. — Тут она улыбнулась, закрыв глаза и приподняв голову: — «Юго-запад. Пятеро. Триста метров. Быстро приближаются в нашу сторону». Учитывая, что напрягся ты еще раньше, то почувал ты их метров за пятьсот. Нереальное расстояние для постоянного умения. Я бы на твоём месте, наверное, свихнулась.

Это да, потому что ты женщина. Ведьмы по сравнению с ведьмаками в этом направлении мало что могут. С ума не сходят только потому, что раньше вырубаются. И кстати, чем больше людей, тем меньше радиус, в городе, например. Стоит также отметить, что тот случай произошел полтора года назад, и сейчас я намного круче, чем тогда. Ей об этом знать, впрочем, не стоит. Правда и до Стоуна — американского ганфайтера, аналога русских ведьмаков, я недоотягиваю. Тот десяток километров мог, по слухам, контролировать. Ну так и я не Тень, а Разрушитель.

Это да, потому что ты женщина. Ведьмы по сравнению с ведьмаками в этом направлении мало что могут. С ума не сходят только потому, что раньше вырубаются. И кстати, чем больше людей, тем меньше радиус, в городе, например. Стоит также отметить, что тот случай произошел полтора года назад, и сейчас я намного круче, чем тогда. Ей об этом знать, впрочем, не стоит. Правда и до Стоуна — американского ганфайтера, аналога русских ведьмаков, я недоотягиваю. Тот десяток километров мог, по слухам, контролировать. Ну так и я не Тень, а Разрушитель.

— Ну и самое... нет, не так, единственная пакостная вещь в данной ситуации, это то, что ты не пользуешься бахиром. — Держи лицо, Макс. Держи. Лицо. — Точнее, ты не можешь им пользоваться. Никто из таких, как ты, не мог.

— Ну и самое... нет, не так, единственная пакостная вещь в данной ситуации, это то, что ты не пользуешься бахиром. — Держи лицо, Макс. Держи. Лицо. — Точнее, ты не можешь им пользоваться. Никто из таких, как ты, не мог.

«Таких, как я», значит. Забавненько.

«Таких, как я», значит. Забавненько.

— Сразу предупрежу, я считал себя уникальным.

— Сразу предупрежу, я считал себя уникальным.

— Поражаюсь твоему спокойствию, я тут раскрываю его секреты, а ему хоть бы хны. У тебя

что, совсем вопросов нет?

— Поражаюсь твоему спокойствию, я тут раскрываю его секреты, а ему хоть бы хны. У тебя что, совсем вопросов нет?

— Мм... как ты поняла, что я не использую бахир? Вроде никто не способен его видеть, а чувствительность даже Виртуоза максимум что позволяет — это определить местонахождение самого человека, а не то, пользуется он бахиром или нет.

— Мм... как ты поняла, что я не использую бахир? Вроде никто не способен его видеть, а чувствительность даже Виртуоза максимум что позволяет — это определить местонахождение самого человека, а не то, пользуется он бахиром или нет.

На мгновение замерев, она откинулась на спинку дивана.

На мгновение замерев, она откинулась на спинку дивана.

— А вот это опасный вопрос, для нас с тобой опасный. И такой лажи я от тебя не ожидала.

— А вот это опасный вопрос, для нас с тобой опасный. И такой лажи я от тебя не ожидала.

— Поясни, — протянул я.

— Поясни, — протянул я.

— То, что ты сейчас сказал, — описание большинства сканирующих или поисковых техник. Почувствовать же движение бахира может любой человек в ранге от Подмастерья и выше. Различается только расстояние. Те же Подмастерья ощущают движение энергии только при непосредственном контакте с объектом, проще говоря, им надо дотронуться до человека. Соответственно, Виртуозу это на фиг не надо, он чувствует бахир на расстоянии примерно пяти метров, от опыта зависит. Но более чем о шести метрах я и не слышала.

— То, что ты сейчас сказал, — описание большинства сканирующих или поисковых техник. Почувствовать же движение бахира может любой человек в ранге от Подмастерья и выше. Различается только расстояние. Те же Подмастерья ощущают движение энергии только при непосредственном контакте с объектом, проще говоря, им надо дотронуться до человека. Соответственно, Виртуозу это на фиг не надо, он чувствует бахир на расстоянии примерно пяти метров, от опыта зависит. Но более чем о шести метрах я и не слышала.

Более чем достаточно, чтобы спалить меня тем же Кояма. И правда, лажанулся. Ну что мне стоило расспросить отца Шины подробнее. А ведь это было два года назад, и за это время только моя паранойя не позволила мне действовать открыто и в полную силу. Хотя сами Кояма ничего заметить не должны, я при них вообще ничем не пользовался. Вроде бы. Я о таком не помню, во всяком случае. С Акеми все ясно. А вот в остальное время надо думать. Все-таки шесть метров — это не шестьдесят, может и проканает. Черт, туплю, речь-то сейчас не о цветочках, есть, видимо, причина, а значит, не проканалю.

Более чем достаточно, чтобы спалить меня тем же Кояма. И правда, лажанулся. Ну что мне стоило расспросить отца Шины подробнее. А ведь это было два года назад, и за это время только моя паранойя не позволила мне действовать открыто и в полную силу. Хотя сами Кояма ничего заметить не должны, я при них вообще ничем не пользовался. Вроде бы. Я о таком не помню, во всяком случае. С Акеми все ясно. А вот в остальное время надо думать. Все-таки шесть метров — это не шестьдесят, может и проканает. Черт, туплю, речь-то сейчас не о

цветочках, есть, видимо, причина, а значит, не проканалю.

— Ладно, дело прошлое, — сказал я, массируя переносицу. — Лучше признавайся, с чего ты вообще завела этот разговор и чем мне все это грозит.

— Ладно, дело прошлое, — сказал я, массируя переносицу. — Лучше признавайся, с чего ты вообще завела этот разговор и чем мне все это грозит.

— На сегодняшнем собрании я краем уха услышала, как обсуждают Токийского Карлика. И все бы ничего, не первый год обсуждают, но сегодня тебя в шутку называли Патриархом. Народ, конечно, посмеялся, но слово было сказано, и теперь тебе надо быть тройне осторожным. — И смотрит на меня. Смотрит и молчит.

— На сегодняшнем собрании я краем уха услышала, как обсуждают Токийского Карлика. И все бы ничего, не первый год обсуждают, но сегодня тебя в шутку называли Патриархом. Народ, конечно, посмеялся, но слово было сказано, и теперь тебе надо быть тройне осторожным. — И смотрит на меня. Смотрит и молчит.

— Да ты достала, Акеми, давай уж продолжай. Я — Патриарх, я понял, дальше-то что?

— Да ты достала, Акеми, давай уж продолжай. Я — Патриарх, я понял, дальше-то что?

— Синдзи, ты меня с мысли сбил.

— Синдзи, ты меня с мысли сбил.

— Я тебя... что? Ну ты и паразитка... Ладно, проехали. Ты хотела рассказать, кто такие Патриархи и чем мне грозит быть одним из них.

— Я тебя... что? Ну ты и паразитка... Ладно, проехали. Ты хотела рассказать, кто такие Патриархи и чем мне грозит быть одним из них.

— О-о-о, да-а-а! Патриархи! Слушай внимательно, Синдзи, небольшое предложение, а сколько в нем смысла. Патриархи — это мужчины, дети которых в трех случаях из пяти рождаются с потенциалом Мастера, а в остальных двух — Виртуоза.

— О-о-о, да-а-а! Патриархи! Слушай внимательно, Синдзи, небольшое предложение, а сколько в нем смысла. Патриархи — это мужчины, дети которых в трех случаях из пяти рождаются с потенциалом Мастера, а в остальных двух — Виртуоза.

Мать божья! Мне конец.

Мать божья! Мне конец.

— Оу! Надо же. — Я огляделся, прощаясь с относительно спокойной жизнью. — Меня ж на запчасти разберут, если узнают.

— Оу! Надо же. — Я огляделся, прощаясь с относительно спокойной жизнью. — Меня ж на запчасти разберут, если узнают.

— Э нет, Синдзи, запчасти не могут давать потомства. Тебя скорей к батарее прикуют и будут каждый день насиловать.

— Э нет, Синдзи, запчасти не могут давать потомства. Тебя скорей к батарее прикуют и будут

каждый день насиловать.

Кто точно знает, что я Патриарх? Акеми, четыре ее солдата и, пожалуй, Фантик. Убить? Ну да, могу, а дальше что? Кроме того, что я огребу кучу мелких и средних проблем, я еще упущу множество возможностей... Впрочем, себе-то что врать — я просто не хочу этого делать. Никто из них не давал повода усомниться в их дружбе, а быть человеком, который не верит никому, довольно сложно. И неприятно.

Кто точно знает, что я Патриарх? Акеми, четыре ее солдата и, пожалуй, Фантик. Убить? Ну да, могу, а дальше что? Кроме того, что я огребу кучу мелких и средних проблем, я еще упущу множество возможностей... Впрочем, себе-то что врать — я просто не хочу этого делать. Никто из них не давал повода усомниться в их дружбе, а быть человеком, который не верит никому, довольно сложно. И неприятно.

— То есть мне теперь всю жизнь скрываться? — А я еще хотел, точнее, подумывал, выдать себя за создателя эксклюзивного стиля. Со временем. И что теперь делать? — Есть информация о других Патриархах?

— То есть мне теперь всю жизнь скрываться? — А я еще хотел, точнее, подумывал, выдать себя за создателя эксклюзивного стиля. Со временем. И что теперь делать? — Есть информация о других Патриархах?

— Я могу только общеизвестные факты рассказать и много-много слухов.

— Я могу только общеизвестные факты рассказать и много-много слухов.

— Давай ограничимся фактами, — устало вздохнув, произнес я.

— Давай ограничимся фактами, — устало вздохнув, произнес я.

— Что ж. Начать тогда следует с ныне здравствующего, хоть и старого, Гарри Алдера. Ему сейчас восемьдесят семь лет, но это так, к слову. Обнаружен то ли во время, то ли после Второй мировой. Ему отдали одну из принцесс, тем самым ввели в правящий дом Великобритании. Точное количество детей сейчас мало кто знает, но по примерным прикидкам около трех с половиной десятков.

— Что ж. Начать тогда следует с ныне здравствующего, хоть и старого, Гарри Алдера. Ему сейчас восемьдесят семь лет, но это так, к слову. Обнаружен то ли во время, то ли после Второй мировой. Ему отдали одну из принцесс, тем самым ввели в правящий дом Великобритании. Точное количество детей сейчас мало кто знает, но по примерным прикидкам около трех с половиной десятков.

— Ого.

— Ого.

— Это еще что. Тьфу, не сбивай меня. Примерно в то же время были обнаружены еще два Патриарха, русский и немец. — Прямо как в каком-нибудь анекдоте. — Но те скоро скончались, оставив после себя по полтора десятка детишек. Вроде состояли в каких-то кланах, я, если честно, мало что про них знаю.

— Это еще что. Тьфу, не сбивай меня. Примерно в то же время были обнаружены еще два Патриарха, русский и немец. — Прямо как в каком-нибудь анекдоте. — Но те скоро скончались,

оставив после себя по полтора десятка детишек. Вроде состояли в каких-то кланах, я, если честно, мало что про них знаю.

— Извини, перебью. Ты не в курсе, как они умерли?

— Извини, перебью. Ты не в курсе, как они умерли?

— Русский в самом конце войны умер, в июне сорок шестого, кажется. Официально — чем-то там заболел, неофициально — руки на себя наложил. Немец в пятьдесят первом сгинул вместе с подлодкой, на которой плыл. — Думаю, спрашивать, что он делал на подлодке, когда должен был находиться в столице под охраной, не стоит. Вряд ли она это знает. — Далее, по убыванию во времени, у нас идет Хояши Ошу, Патриарх эпохи Мэйдзи. Участвовал в войне Босин, сначала против Токугава, а после призыва императора уже на другой стороне.

— Русский в самом конце войны умер, в июне сорок шестого, кажется. Официально — чем-то там заболел, неофициально — руки на себя наложил. Немец в пятьдесят первом сгинул вместе с подлодкой, на которой плыл. — Думаю, спрашивать, что он делал на подлодке, когда должен был находиться в столице под охраной, не стоит. Вряд ли она это знает. — Далее, по убыванию во времени, у нас идет Хояши Ошу, Патриарх эпохи Мэйдзи. Участвовал в войне Босин, сначала против Токугава, а после призыва императора уже на другой стороне.

Призыв императора. М-да, в этом мире Реставрация Мэйдзи пошла совсем по-другому. В моем мире Реставрация Мэйдзи была обычной войной за власть между двумя группировками — сегунатом Токугава и группой аристократии, прикрывавшейся именем императора. Как итог — место сегуна занял премьер-министр, а сам император как был никем, так им и остался. Здесь же Мэйдзи кинулся к остаткам войск сегуната и бросил клич кланам Японии, который потом и назовут призыв императора. Вместе с кланами, кстати, на его сторону стали и некоторые аристократы с другой стороны, а также множество обычных людей, пожелавших записаться в уже настоящую императорскую армию. Та война продлилась лишние два года, окончившись возрождением абсолютной монархии в Японии и последним появлением нового клана.

Призыв императора. М-да, в этом мире Реставрация Мэйдзи пошла совсем по-другому. В моем мире Реставрация Мэйдзи была обычной войной за власть между двумя группировками — сегунатом Токугава и группой аристократии, прикрывавшейся именем императора. Как итог — место сегуна занял премьер-министр, а сам император как был никем, так им и остался. Здесь же Мэйдзи кинулся к остаткам войск сегуната и бросил клич кланам Японии, который потом и назовут призыв императора. Вместе с кланами, кстати, на его сторону стали и некоторые аристократы с другой стороны, а также множество обычных людей, пожелавших записаться в уже настоящую императорскую армию. Та война продлилась лишние два года, окончившись возрождением абсолютной монархии в Японии и последним появлением нового клана.

— Был принят в клан Асука и жил, как говорят, довольно-таки светской жизнью. За свою относительную свободу трахаться ему пришлось направо и налево. Сколько у него было детей, как ты понимаешь, трудно сказать. — Ну да. Вряд ли местная элита трубила на весь мир, что подложила под него свою дочь, сестру, жену, а может, и мать. — Но период жизни Хояши ознаменовался появлением Виртуозов по всей стране, не сразу, конечно, но еще при его жизни. Правда, во время Второй мировой мы почти всех Виртуозов растеряли, остались какие-то огрызки. — Плюс после войны кто-то умер, от старости, к примеру. Сейчас в Японии семеро Виртуозов, из них четверо «послевоенных», а на начало войны у нас... ладно, пусть будет у нас, было, если мне память не изменяет, тридцать, из которых как минимум половина — дети Хояши. Так что да, реально огрызки. — Учитывая, что Виртуозами становится в лучшем случае треть детей, то наш плодовитый Патриарх настрогал около пяти с половиной десятков

детишек. И по этому параметру Алдера он обошел. И хоть англичанин еще жив, я сильно сомневаюсь, что он способен в своем возрасте делать детей. Хотя... в любом случае его он уже точно не догонит. Умер Хояши, кстати, от старости.

— Был принят в клан Асука и жил, как говорят, довольно-таки светской жизнью. За свою относительную свободу трахаться ему пришлось направо и налево. Сколько у него было детей, как ты понимаешь, трудно сказать. — Ну да. Вряд ли местная элита трубила на весь мир, что подложила под него свою дочь, сестру, жену, а может, и мать. — Но период жизни Хояши ознаменовался появлением Виртуозов по всей стране, не сразу, конечно, но еще при его жизни. Правда, во время Второй мировой мы почти всех Виртуозов растеряли, остались какие-то огрызки. — Плюс после войны кто-то умер, от старости, к примеру. Сейчас в Японии семеро Виртуозов, из них четверо «послевоенных», а на начало войны у нас... ладно, пусть будет у нас, было, если мне память не изменяет, тридцать, из которых как минимум половина — дети Хояши. Так что да, реально огрызки. — Учитывая, что Виртуозами становится в лучшем случае треть детей, то наш плодовитый Патриарх настрогал около пяти с половиной десятков детишек. И по этому параметру Алдера он обошел. И хоть англичанин еще жив, я сильно сомневаюсь, что он способен в своем возрасте делать детей. Хотя... в любом случае его он уже точно не догонит. Умер Хояши, кстати, от старости.

Эх, хороша чертовка. Задумавшись о чем-то своем, закинув правую руку на спинку дивана, а левой поигрывая бокалом вина, она сейчас напоминала мне пантеру на отдыхе — расслабленную, но готовую в любой момент взорваться действием хищницу. Отрастившую классные буфера, между прочим... кхм, это я так, не обращайтесь внимания. Интересно, она знает, что мне нравятся девушки с длинной косой? Учитывая, что сегодня, как и частенько до этого, я наблюдаю именно эту прическу, скорее да, чем нет. И заметила она это где-то с год назад, до того я ее вообще ни разу с косой не видел. Или это паранойя на пару с самомнением?

Эх, хороша чертовка. Задумавшись о чем-то своем, закинув правую руку на спинку дивана, а левой поигрывая бокалом вина, она сейчас напоминала мне пантеру на отдыхе — расслабленную, но готовую в любой момент взорваться действием хищницу. Отрастившую классные буфера, между прочим... кхм, это я так, не обращайтесь внимания. Интересно, она знает, что мне нравятся девушки с длинной косой? Учитывая, что сегодня, как и частенько до этого, я наблюдаю именно эту прическу, скорее да, чем нет. И заметила она это где-то с год назад, до того я ее вообще ни разу с косой не видел. Или это паранойя на пару с самомнением?

— В каком году?

— В каком году?

— А?

— А?

— В каком году умер Хояши?

— В каком году умер Хояши?

— В пятьдесят пятом.

— В пятьдесят пятом.

Если этот Хояши, как и я, ведьмак, тогда как-то странно, что он умер так рано. Живем мы очень долго теоретически. В моем мире такие, как я, редко умирали своей смертью, специфика

работы как-никак. А те, кто все-таки доживал до преклонного возраста, были, мягко говоря, несильны. Получается, что и Хояши был слабак? Или это все-таки не ведьмаки?

Если этот Хояши, как и я, ведьмак, тогда как-то странно, что он умер так рано. Живем мы очень долго теоретически. В моем мире такие, как я, редко умирали своей смертью, специфика работы как-никак. А те, кто все-таки доживал до преклонного возраста, были, мягко говоря, несильны. Получается, что и Хояши был слабак? Или это все-таки не ведьмаки?

— Он был силен, этот Хояши?

— Он был силен, этот Хояши?

— А?

— А?

— Девушка, очнитесь, я все еще тут.

— Девушка, очнитесь, я все еще тут.

— Извини, Синдзи, ты что-то спросил?

— Извини, Синдзи, ты что-то спросил?

— Насколько силен был Хояши?

— Насколько силен был Хояши?

— На уровне Ветерана, выше ни один Патриарх не поднимался. О таком даже легенд нет. Они, собственно, все были примерно на одном уровне. — Ну да, она ж в начале разговора упоминала об этом.

— На уровне Ветерана, выше ни один Патриарх не поднимался. О таком даже легенд нет. Они, собственно, все были примерно на одном уровне. — Ну да, она ж в начале разговора упоминала об этом.

— А ты о многих Патриархах слышала? — спросил я.

— А ты о многих Патриархах слышала? — спросил я.

— Где-то о тридцати. — Ну ни фиги себе! — Это, конечно, не все, но попробуй собери информацию о людях, раскиданных по векам и о которых стараются не писать.

— Где-то о тридцати. — Ну ни фиги себе! — Это, конечно, не все, но попробуй собери информацию о людях, раскиданных по векам и о которых стараются не писать.

— Откуда тогда...

— Откуда тогда...

— Что только не сделает девушка, желающая родить Виртуоза, а мы все такие, если ты не знал. Просто у меня возможностей побольше.

— Что только не сделает девушка, желающая родить Виртуоза, а мы все такие, если ты не знал.

Просто у меня возможностей побольше.

Вот ведь не было печали.

Вот ведь не было печали.

— Гхым, понятно. А кто там был до Хояши? — перевел я тему.

— Гхым, понятно. А кто там был до Хояши? — перевел я тему.

— Американец. Сын основателя клана Гейтс. Его отец отличился во время тамошней революции, был удачливым генералом или что-то такое. Умер в возрасте ста одного года. От старости. Тоже Ветеран, если тебе это так интересно. Сколько у него было детей, я не знаю даже примерно.

— Американец. Сын основателя клана Гейтс. Его отец отличился во время тамошней революции, был удачливым генералом или что-то такое. Умер в возрасте ста одного года. От старости. Тоже Ветеран, если тебе это так интересно. Сколько у него было детей, я не знаю даже примерно.

— Да это и не важно, — сказал я, взглянув на часы. Анализом информации и планированием займусь завтра. Сейчас все равно не горит. — Пойду я, пожалуй, а то завтра с утра будет тяжело. — Я зевнул. — И спасибо тебе, Акеми. Я свяжусь с тобой попозже, сама понимаешь, вопросы по этой теме у меня точно возникнут.

— Да это и не важно, — сказал я, взглянув на часы. Анализом информации и планированием займусь завтра. Сейчас все равно не горит. — Пойду я, пожалуй, а то завтра с утра будет тяжело. — Я зевнул. — И спасибо тебе, Акеми. Я свяжусь с тобой попозже, сама понимаешь, вопросы по этой теме у меня точно возникнут.

— Будешь снаружи, Мышь позови, — ответила она, лениво махнув рукой. — Этого придурка лучше держать при себе, чтоб чего не натворил.

— Будешь снаружи, Мышь позови, — ответила она, лениво махнув рукой. — Этого придурка лучше держать при себе, чтоб чего не натворил.

— Лады. — Жахнув на прощанье стакан сока и заев его какой-то сладкой дрянью, встал, от души потянувшись. — Покеда, мужики, — махнул я рукой. — Красивая молодая девушка, — поклон в сторону Акеми.

— Лады. — Жахнув на прощанье стакан сока и заев его какой-то сладкой дрянью, встал, от души потянувшись. — Покеда, мужики, — махнул я рукой. — Красивая молодая девушка, — поклон в сторону Акеми.

Уже у самой двери меня нагнал женский голос:

Уже у самой двери меня нагнал женский голос:

— У меня имеется хоть какой-то шанс?

— У меня имеется хоть какой-то шанс?

Чуть не споткнувшись, я обернулся.

Чуть не споткнувшись, я обернулся.

— Больше, чем у кого бы то ни было, — сказал я, глядя на нее. — На данный момент.

— Больше, чем у кого бы то ни было, — сказал я, глядя на нее. — На данный момент.

<http://tl.rulate.ru/book/57069/1457874>